

КАЛЛИОПА

Сойди же с неба, о Каллиопа, дай,
 Царица Муз, мне долгую песнь - пускай
 То флейты ль звук, иль голос звонкий,
 Дивные ль струны кифары Феба,
 Всъ слышите? Иль сладко безумье так
 Прельщает слух и зренье мое?..

Квинт Гораций Флакк «Ода Каллиопе»

Иногда ей казалось, что до зимнего равноденствия ей не дотянуть, когда постепенно иссякало присущее ей упрямство. Все ближе к ней прорывались успокаивающие вкрадчивые голоса: «Зачем тебе это надо? Смирись... Будь как все! Ведь это ненормально, думать, будто что-то может зависеть от того, что ты напишешь. Клинические особенности бреда мессианства при психических расстройствах шизофренического спектра как раз и

предусматривают возникновение озарения, пророчества, откровения, видения, экстатические переживания, глоссолалии... Они известны не одно тысячелетие. Они неоднозначно воспринимаются в психиатрии... Стоит тебе проговориться кому-то о том, что ты видишь и чувствуешь, пожизненная психушка тебе обеспечена! Если за шесть тысяч лет человечеством не выяснено, при каких условиях эти состояния являются выражением религиозного опыта, а при каких относятся к психопатологии, так ты думаешь, будто ваша районная психиатрия будет лбы разбивать ради тебя? Всем надо раз и навсегда избавиться от тебя! Смирись! Зачем тебе это надо?.. Будь как все!»

Она могла определить разницу между проекцией чужого сознания и собственными размышлениеми, поскольку долго анализировала, как мыслит человек, когда на него никто не пытается оказать давление вполне апробированными методиками гипноза на расстоянии. Чужая назойливая мысль не могла передать воспоминание, образ. Вернее, можно было при определенных усилиях вытащить какие-то странные обрывочные образы, стоявшие за мыслью про «бред мессианства».

Одно время ей это было даже любопытно, поскольку такое словосочетание она слышала лишь от прокурорши, изображавшей при ней психиатра-эксперта, но знала, что как раз употребление таких терминов при подэкспертном является признаком непрофессионализма.

Странно, но за чужими мыслями, давившими на ее сознание строго в рабочее время с перерывом на обед, - возникали какие-то картины, которых она точно раньше нигде не видела и уж точно не могла помнить. Будто кто-то, честно отрабатывая свой хлеб гипнозом на расстоянии, тащил свое форматирование, не совсем сумев очистить мысль от собственных переживаний, занимавших его намного больше ее психического здоровья. При этом люди, донимавшие ее угрозами «экстатических переживаний» и «глоссолалий», не учитывали, что все ее «видения и озарения» подвергаются немедленной обработке, накапливающей материал для создания очередного романа. И первым критерием этой обработки являлся вопрос, насколько точно любая мысль соответствует сверхзадаче ее нового романа. «Стать такой, как все» – больше соответствовало ее же образному определению «Ни на звезду, ни в Красную Армию», поэтому тут же перемещалось в «сомнительные сообщения».

«Такие, как все» - не составляли предмет искусства, а уж тем более литературы. Ведь дальше надо было конкретизировать признаки этих «всех». За чужой мыслью шел образ копошащейся серой массы нагих, скрюченных тел, в мешанину которых ее пытались загнать. Там не было ее героев, там царили холод и немота.

Пожав плечами, она подумала, как сами служащие, пытающиеся воздействовать на нее психологическими методами, представляют свою жизнь? Она тут же получила образы каких-то погонов с новыми звездочками, удостоверений, машин, просторных квартир... Она увидела продуктовые прилавки дорогих магазинов, ювелирные витрины бассейн в турецком отеле... Среди этих ярких образов приземленных мечтаний, которые могли воплотиться за дератизацию ее сознания, - она обнаружила несколько ярких видений птиц с женскими головами, у одной из которых были медвежьи лапы. И каким-то осторожным взглядом, будто человек очень боялся прямо глядеть на этот свой «глоссолалий», она увидела очень красивого молодого человека, развалившегося в старинном кресле.

Он был удивительно, неправдоподобно красив... Но от него веяло таким нестерпимым холодом и вечной пустотой, что она по-настоящему испугалась.

На столе перед ней всегда стояла свеча, которую она зажигала всякий раз, как только попытки манипуляций ее сознанием становились сильнее. В самих этих наездах не было никакой мистики или «экстатического переживания», эти методики использовались и малограмотными деревенскими ведуньями. Правда, никто раньше подобное не использовал на «промышленной основе», создавая целые отделы еще в советское время, поскольку раньше все же люди, пытавшиеся «незаметно» уничтожить свободу совести, данную каждому свыше свободу выбора – понимали, что при этом наносят непоправимый ущерб собственной душе.

В сущности, весь ее личный «бред мессианства» заключался в попытке помешать проведению массовых обработок общественного сознания проекциями, лишавшими людей самой возможности творчески воспринимать собственную жизнь: «*От нас ничего не зависит... В этой стране всегда уничтожали все лучшее... Раньше было еще хуже... Надо жить неприметно... Нельзя высовываться... Ведь мы же лучше жить стали... Тебе нет дела до государственной собственности, это же не твое личное... Нехорошо завидовать чужим деньгам... Какое дело тебе до этой страны... Народ сам этого захотел... У нас не народ, а стадо дебилов... Наши голос никто не услышит... Ты никому ничего не докажешь... Зачем создавать проблемы...»*

Здесь просто следовало пробудить искренний интерес людей к собственной жизни, к жизни своих родных, к их настоящей памяти, к истории и, культуре... Но главное, следовало всего лишь задаться вопросом: «А от кого я все это слышу?», и морок немедленно рассеивался.

Она едва смогла пережить первые сутки, когда, кроме различных «правоохранительных» неприятностей в реальной жизни, на нее внезапно обрушилась вся мощь этих живых трансляторов. Очень сильные в методиках манипуляций люди поначалу транслировали ей одну и ту же мысль о самоубийстве. Тогда впервые она попыталась закрыть свое сознание образом, неизменно возникавшим при чтении старинного орфического гимна, посвященного музам.

*Зевса гремящего и Мнемосины прекрасные Дицери,
О Пиериды, Вы славой покрыли просторы Вселенной.
Многообразные, Вы воплощаете чаянья смертных:
Ум, добродетель, талант и учености дар благодатный.
Вы направляете ум и пути указываете духу.
Речи внушаете смысл, окрыляете гением разум.
Вы же и смертным пути проложили к священным обрядам.
Вот они, Муз имена: Мельпомена, Эвтерпа, Эрато,
Клио - истории глас, Терпсихора и Талия; также -
Пылкой Полигимнии лик и небесной Урании мудрость;
и Каллиопа, чей сын - достославный Орфей.
Вместе с Ней - Агна, Богиня, что мир осеняет своей добротою.
Дивные Музы - венок из весенних цветов ароматных.
Как Вы приятны для всех, посвящаемых в таинства нации.
Дайте же мистам успех и усердие в пении гимнов!*

Подобные попытки манипуляций сознанием она относила к разновидности мистерий, которые были известны еще в Древней Греции. Некоторые люди рождались с определенными способностями, которые в античности старались использовать для достижения духовного просветления. Для исполнения особых гимнов, получавших название «орфических» в честь Орфея, сына музы Каллиопы, - отбирались мисты, младшие жрецы, новопосвящённые в таинства религиозных обрядов. Во время священнодействия мисты, в отличие от непосвященных, носили на головах миртовые венки, а на правой руке и левой ноге — повязки пурпурного цвета.

Перед мистериями эти жрецы долго постились и ночевали в храмовых приделах. В дни празднования мистерий им запрещалось употреблять в пищу мясо птицы, рыбу и бобовые культуры, считавшиеся нечистыми. В качестве пищи они получали только скромное подаяние — кусочек мяса жертвенных животных, сущеные фрукты и воду. Им запрещалось находиться близко к месту, где незримо присутствовали мойры, богини судьбы, управлявшие рождением и смертью. Они не заходили в дома, где женщины ждали рождения ребенка, не принимали участие в погребальных церемониях. Каждое их слово, любой отточенный жест были направлены только к тому, чтобы души присутствующих могли расправить крылья и воспарить. Плутарх писал, что своё название мисты получили от формы обряда посвящения, когда они должны были держать глаза и рот закрытыми, чтобы сама их душа могла вступить в мистическую связь с сущим. Считалось, что мисты, лишь начинавшие жреческий путь духовного служения, «видели вещи такими, какими они только кажутся». Но на определенном этапе у большинства мистов, участвовавших в мистериях, происходило духовное прозрение или, как это называли бы в отделах, занимавшихся «промывкой мозгов», - психическое расстройство шизофренического спектра. Такие мисты, начинавшие «видеть вещи такими, какие они есть», становились жрецами более высокого ранга, - эпопами.

Жрецы-эпопы освящали общественные собрания и театральные действия. У них философы и писатели получали наставление и благословение на создание эпических произведений, с ними

судьи обсуждали приговоры в наиболее сложных делах, стараясь избежать судебной ошибки, что могло разгневать неведомых майр, решениям которых подчинялись не только люди, но и боги.

Все эти мифические сведения, за которые отчего-то особенно цепко держалась ее память, - в окружавшей реальности могли быть запросто признаны клиническим признаком ее сдвига по фазе. Но стоило ей прочесть орфический гимн, припомнив круг девяти муз, как тут же ослабевал натиск граждан в погонах, решивших на свой лад перестроить ее личное восприятие жизни. При чтении последних строк она старалась представить полет стаи птиц над бескрайними просторами Океана. Всех, кто пытался проникнуть в ее сознание, она пыталась увлечь мыслью, как невыразимо прекрасна жизнь, какое счастье – нестись над самой ее изменчивой гладью, в полную эпическую мощь, расправив свои крылья... Постепенно все, кто гнался за ней, отставали, а пламя свечи, горевшее вначале голубым холодноватым огнем, готовым в любую минуту погаснуть, - разгоралось ярче.

...Когда-то в детстве она читала сказку «Счастливый конец». В ней рассказывалось, как одна девочка случайно попала в книжку волшебных сказок, у которых госпожой Скукой были похищены счастливые концы. В книге постоянно длился один и тот же день полного торжества героев, замечательно устроившихся за чужой счет. А те, за чей счет они жили, постепенно теряли надежду, проникаясь мыслью, будто это и есть их настоящая жизнь, забывая, что в сказках всегда бывает счастливый конец.

Уничтожить вырванные страницы было нельзя, иначе бы распалась сама ткань повествования, навсегда исчезли бы как положительные, так и отрицательные персонажи сказок. Но можно было аккуратненько оборвать сказку на середине, надежно спрятав странички, остановив, таким образом, время. Однако стоило найти вырванные из сказки странички и дать прочесть их некоторым читателям, искренне переживавшим за героев, так время начинало стремительно наверстывать свое вынужденное бездействие.

Больше всего ее тогда поразило поведение доброй Феи, которая должна была явиться ко всем своим героям и помочь найти единственную дорогу к счастливому концу. Но Фея, уставшая быть сразу в нескольких местах, постоянно подставлять под удары чужой судьбы свое эфемерное тельце... вдруг поняла, насколько и ее саму устраивает пропажа счастливых концов. Она стала приятной во всех отношениях дамой, не склонной пускаться в неожиданные приключения и совать нос в чужие истории, которые ее абсолютно не касались. Возле медного таза она варила ароматное малиновое варенье, и розовые тугие пенки к чаю у нее были каждый день. В ее саду, куда однажды забрела маленькая Герда, всегда царило лето, а ягодки малины всегда сами собой падали с сердцевинок в эмалированную кружку с нарисованной мельницей. Соломенная шляпа с множеством цветов и бусинок висела у входа в хорошенъкий уютный домик с черепичной крышей, а в небе над ее маленьkim раем не собиралось ни единого облачка. Варенье она помешивала волшебной палочкой, которая была ей теперь абсолютно ни к чему. И чудесная песенка о тихом заслуженном счастье радовала каждого путешественника, любовавшегося издали черепичной крышей, утопавшей в освещенной солнцем зелени.

Когда-то ей страшно не понравилась добрая Фея, изменившая своему назначению. Но с возрастом она начала сомневаться, смогла ли она, окажись на месте доброй Феи, сделать другой выбор?

Впрочем, небольшой трехэтажный домик, где иногда устраивались «Огурцовские чтения» для читателей ее блога, был и у нее. И довольно часто она представляла себя за варкой малинового варенья в своем чудесном саду, где ничто не отвлекало бы ее от блаженного покоя. Стоило лишь навсегда отказаться от своей волшебной палочки и окончательно погрузиться в объятия скуки, - время бы тотчас остановилось для нее.

Время... Сколько раз она убеждалась, что главным персонажем любого ее романа или самой небольшой сказки - всегда является время. Нельзя было недооценивать время. С детства она смотрела на свою линию жизни, испытывая гнев и беспомощность от того, что ее время

стремительно заканчивалось. Ее увлечение сказками было вынужденным, времени на новый роман у нее уже не оставалось.

Хотя мало бы кто понял подобное отношение к литературным персонажам, но оставлять своих героев без счастливого конца ей казалось чем-то равносильным предательству. В тот момент, когда она отдавала своим героям частицу собственной души, они начинали оживать, и действовать зачастую не так, как она предполагала. Иногда она чувствовала себя пустой или полностью опустошенной оболочкой, из которой ее герои черпали силы для долгого пути, когда ее уже не станет.

Так и не получив писательской известности, не имея возможности посвятить себя творчеству целиком, она была вынуждена писать небольшие по объему сказки, где герои были не менее живыми, имея просто намного меньше времени, для того, чтобы прожить перед читателем самые яркие события. И время для них послушно сжималось, чтобы найти единственную тропку к счастливому концу.

Раз у нее не оставалось возможности создать один счастливый конец большого романа, включив в него множество разноплановых героев и всем известных событий, она пыталась на более камерных сюжетах, захватывая кусок реальности небольшого спектра, - успеть написать хотя бы множество маленьких... локальных счастливых концов.

«Счастливый конец! Мне надо найти дорогу к счастливому концу!» - говорила она себе, не будучи уверенной, что когда-нибудь сможет это сделать. Но она точно знала, что если этого не сделает она, то никто другой этого точно не сделает.

Только у нее был весьма необычный дар – превращать уродливую реальность в захватывающую смешную сказку с финалом, наступавшим точно в назначенный срок так, чтобы в результате внутри каждого неведомыми силами расправляла крылья душа.

Развернутая против нее «борьба с экстремизмом» казалась ей очень странной из-за некоторых особенностей следственных мероприятий.

С обыском к ней ворвались, когда она остановилась перед финалами нескольких сказок, самой важной из которых она считала «Сказку про оборотней». Будто кто-то точно знал, что она остановилась перед самым счастливым концом. Всю неделю она предвкушала, как допишет счастливый конец у двух сказок, едва притаскивая ноги после занятий в трех университетских корпусах. В пятницу ей оставалось провести всего одну лекцию, и к понедельнику обе сказки были бы полностью готовы и выставлены в блоге. Ей даже не пришло в голову скопировать сказки на съемные носители, ведь у нее дома стояло четыре компьютера, а впереди ее ожидали выходные, наполненные чужим счастьем.

Но именно рано утром в пятницу к ней ворвались борцы с экстремизмом, даже не дав ей включить компьютеры. Они хорошо знали, где какие компьютеры стоят, и долго искали ее черный ноутбук, которым она давно не пользовалась и год назад отдала старшей дочери. Им совершенно были не важны ее мысли, ее мировоззрение, а сама борьба с экстремизмом рассматривалась лишь предлогом... оставить свою сказку без конца.

Только несведущему человеку могло показаться, что сказку так легко восстановить. Но она знала, что стоило прочесть эту сказку некоторым людям, в ней невозможно будет исправить ни одного слова.

Она слышала, как следователи разговаривали по телефону с кем-то торопившим их, кричавшим в трубку, чтобы они немедленно доставили содержимое ее компьютеров. Она поняла, что сказки будут прочитаны до вечера и навсегда останутся без счастливого конца. В сердце закрадывалась холодная тоска, и она чувствовала большую долю собственной вины в происходящем, в чем-то поддавшись давлению реальности, перестав относиться к литературе, как священнодействию, призванному помочь человеческой душе очиститься спасительным катарсисом и воспарить.

- Вы нас в своем романе изобразите, да? – откровенно ржали здоровые молодые парни из отдела по борьбе с экстремизмом, неловко рассовывая прослушку при обыске. – Будете клеймить нас позором?

Она посмотрела на них, будто увидев впервые, и даже удивилась. Они ввалились к ней достаточно выраженными индивидуальностями. Познакомясь она с ними в других условиях, она бы точно отметила в них определенную долю человеческого обаяния, любопытства, совсем неглупые, открытые лица. Но за час пребывания в ее доме они разительно поменялись. Движения стали механическими, суетливыми, какими-то несогласованными. Они вдруг начали громко ссориться между собой, с тычками выходя на лестничную площадку к мусоропроводу выяснять, кто как раньше вел себя на обысках и чем занимался. Она бегала и прикрывала за ними двери, чтобы от этого кошмара не сбежали насмерть перепугавшиеся коты.

В ходе обыска лица их посерели, стали невыразительными. Спустя еще час, различить их между собой она смогла бы только по одежде. Но если бы на них были одинаковые свитера, она бы подумала, что все они – «близнецы-братья».

- А как я вас стану «клеймить»? – удивилась она. – Я же вас совсем не знаю. И даже знать не хочу...

- Ну, как же так? – шуточно запричитал молодой человек, обматывавший скотчем ее компьютеры, сидя на четвереньках. – Мы так хотим прочитать о себе в Интернете!

- Так напишите сами! Какие проблемы? – парировала она. – У меня странное ощущение, будто на самом деле вас вообще здесь нет. Будто вы спите... или что-то с вами не то... Вы сами разве не чувствуете?

- Вас саму надо проверить на ощущения! – зло скривившись, ответил молодой человек. – То вы заявляете, что мы поздно пришли, а вы там кому-то заплатили своей кровью, то вообще чушь городите!

- Но когда вы вошли, было другое впечатление! – почти спокойно ответила она. – А потом будто... сквозняк был. Вы все время дверьми хлопали! Вы что-то выясняли у мусоропровода, а возвращались какими-то странными. Я вас не различаю! Могу только пересчитать по головам. Но вы же сами говорите, что у вас работа такая. Может быть она вас как-то нивелирует, лишает индивидуальности...

К их разговору внимательно прислушивались другие оперативники и понятые, по-птичьи наклонив голову. Что-то их явно тревожило, к тому же им постоянно звонили и требовали немедленно привезти ее компьютеры. С каким-то потерянным выражением лиц, с которых будто смело все краски, они одевались и выходили из ее квартиры. На пороге они переругались, выясняя, кому из них придется тащить ее компьютеры.

Молодой человек, перематывавший ее компьютеры скотчем, опять попытался ее подзадорить на описание их личности в Интернете.

- Я же сказала вашему коллеге, что у меня не получится вас описать, – ответила она. К тому же, какой Интернет? Компьютеры вы вывезли, договора с провайдерами изъяли, выделенки вырвали...

- Это вы со мной говорили, просто я куртку надел, – пояснил оперативник. – Но вы же можете пойти к своим друзьям! У вас ведь есть знакомые с Интернетом?

- Зачем? Я у друзей в Интернете не сижу, это невежливо, молодой человек, – ответила она, замыкая двери. – Вы хотите еще к моим знакомым с обыском прийти? И как я могу писать о вас, если я вас даже в куртке не узнала?

- Вы не напишете о нас? – спросил он вдруг тихо, глядя перед собой пустым невыразительным взглядом.

- О вас конкретно? – уточнила она и задумалась. – Если честно, я могу только написать, что вы через три месяца попадете под КамАЗ... Больше мне вообще ничего даже в голову не приходит, извините.

«Следственные мероприятия» запомнились ей лишь гадкой ухмылкой следователя. В надуманных уголовных преследованиях за «экстремизм» он постоянно пытался придать своему голосу суровость, наполнить его металлом: «Вы признаете, что критиковали существующий строй? Вы понимаете, что своими словами оскорбили двести наций?»

Она понимала, что абсолютно бесправна и беззащитна, но осознавала, что и через это ей надо пройти, так как стоило ей пропустить время, как условия счастливого конца сильно изменились. Следователь тоже понимал ее полнейшее бесправие, решив, что он стал для нее своеобразной «богиней судьбы», не понимая, насколько опасна эта роль, прежде всего, для него самого. Но, в отличие от оперативников, проводивших у нее обыск, он уже не предлагал ей создать его образ в Интернете. Из чего она пришла к заключению, что у него на ее счет имеется другой приказ.

- Мы сейчас пройдем с вами психолого-психиатрическую экспертизу, – с каким-то мальчишеским подыванием заявил он ей однажды, радостно потирая руки. – Кончится ваш экстремальный экстремизм! Вам там сделают парочку укольчиков, и станете такой, как все!

Она знала, что он ненавидит ее с той минуты, как только понял, что сделать с ней то, что поначалу ему казалось пустяком, не удастся, пока он не сделает с собой несколько забавных, на ее взгляд, манипуляций. Вообще следственные мероприятия сводились у них к обмену многозначительными взглядами. Адвокат был рефери в этой безмолвной дуэли, делая, в основном замечания ей, когда она излишне выразительно хмыкала.

Привыкший к совершенно другому характеру следственных действий, следователь весь горел от нетерпения увидеть ее пустой бессмысленный взгляд. Ему хотелось как можно скорее увидеть, как из нормального человека, способного мыслить, действовать, что-то выдумывать и шутить, но главное, раздражать, - она превратится в вялую тряпичную куклу с отсутствующим взглядом. В деле было множество нестыковок. По сути, никакого «дела» не было, хранившиеся в сейфе тома скоросшивателей были наполнены распечатками заметок и комментариев ее блога. Что с ними делать, он и сам не знал, зато хорошо знал, что ему нужно делать с ней.

Тогда она решила, что если в ее жизни есть хоть какой-то смысл, то у него ничего не получится. Но твердые гарантии были только у него, а у нее – лишь мистические домыслы и лихорадочные поиски выхода. Поэтому на всякий случай она навсегда простила с дочерями, попросив у них прощения, что подвергает их таким мучениям.

О, с какой легкостью она тут же забыла обо всех своих терзаниях и раздумьях о смысле жизни, стоило ей вырваться из этого страшного заведения, где грязные усталые санитары куда-то под руки вели странные пустые оболочки, которые когда-то были людьми. Лишь поняв, что больше этим любителям современных мистерий с укольчиками больше не удастся затащить ее в психиатрическую лечебницу, она позволила себе вспомнить, как медицинская сестра, нисколько ее не стесняясь, очевидно, тоже считая себя кем-то вроде «доброй» майры, подошла к ней, когда она ожидала прихода прокурорши, изображавшей врача. Время было перед обедом, и она подошла поинтересоваться, долго ли ей еще с укольчиками ожидать в процедурной, можно ли отлучиться покушать. Медсестра прижалась к ней мягким животом и доверительно поинтересовалась: «Чо, адвокат-то не придет уже?»

Все уже смотрели на нее, как на мертвую, решив, что смогут запросто сделать ее «такой, как все». Даже адвокат, когда ему перезвонила и спросила, придет ли он все-таки на эту самую «экспертизу», не смог скрыть своего удивления, что слышит ее голос.

Поскольку «комиссия экспертов» якобы не смогла установить степень ее вменяемости, следователь решил поместить ее на «стационарное обследование» через суд. Не предупредив адвоката, она ходатайствовала о вызове в суд экспертов, подписавших заключение. Дам, подписавшихся в качестве экспертов, она хорошо знает в лицо, однако вместо них экспертизу проводила работница районной прокуратуры, известная своими «служебными романами».

Блог «Огурцова на линии», где она еще до своего ходатайства в тонкостях описала всю эту «экспертизу», судья явно читал. Он заявил, что нет необходимости в проведении судебного расследования, а в его задачу входит лишь ответ на ходатайство прокуратуры о помещении ее в психиатрический диспансер. Никакой нужды он в этом не увидел, но попросил «не для протокола» ответить на вопрос, которым задавались уже все, читавшие ее блог и имевшие доступ к прослушке ее телефонов: «Вы эту... этих женщин откуда на лицо знаете?»

Не уточнив, кого он имеет в виду конкретно, она ответила, стараясь как можно тоньше улыбаться деревянными помертвевшими губами: «Мы с этими дамами пользуемся услугами одного гинеколога. Долго ждать приходится в приемной... доводилось общаться о разных интимных проблемах. Сами понимаете.»

Молодой прокурор дернулся от ее намека, а судья опустил глаза. Тогда, напомнив, что следователь при ней трижды переделывал текст экспертизы, переписывая заключительную часть с экспертизы какого-то мужика, она попросила в качестве ответной любезности намекнуть (тоже без протокола) много ли до нее прошло по той же доске? Судья досадливо кивнул ей в ответ так, чтобы его ответ нельзя было истолковать однозначно. Она отметила про себя, что он реагирует на нее - не как на потенциальный труп, а как на человека, который будет жить дальше.

Особый непроницаемый взгляд судьи уже не был направлен на нее, поверх прокурора он переместился на следователя, покрывшего красными пятнами. Это был сосредоточенный, примеривающийся взгляд палача, деловито всматривавшегося в себе подобную, пока еще живую человеческую особь, изнемогавшую от страха.

- Ваша честь, я здесь ни при чем! – вырвалось у струившегося адвоката, на которого вообще никто смотрел.

Судья, прокурор, адвокат и следователь... Четыре мужчины, собравшиеся в бывшем детском саду, превращенном в городской суд, чтобы выполнить чужую волю и навсегда ее уничтожить. Она никогда никого из них не встречала, а они – не имели малейшего понятия ни о ней, ни о ее блоге. Все они смутно представляли себе, в чем состоит ее «преступное деяние», понимая, как сложно будет писать обвинительное заключение и приговор, если сейчас оставить ее в живых. По логике своей профессии и занимаемых должностей все четверо должны были защитить ее права. Вряд ли они понимали, что в отношении нее действовали даже не в человеческой логике, приравняв ее жизнь – разменной карте в чьей-то колоде.

Однако в тот день оказалась битой карта следователя, раньше всех четверых осознавшего, что нечеловеческой логике может следовать тот, кто уже в существенной мере перестал быть человеком.

У нее не было никаких шансов спастись, но будто кто-то начал играть на ее стороне. Даже прокуроршу в белом халате она сфотографировала мимодумно, случайно нажав не на ту кнопку телефона. Текст ходатайства она увидела во сне. Кто-то до утра монотонно бубнил его текст, немного напоминая тиканье жестяных деревенских ходиков с медведями в лесу, которые когда-то висели в доме у бабушки. Адвокат долго обиженно интересовался, кто ей написал ходатайство, а она, пожав плечами, сказала, что нашла текст в Интернете.

Ее не оставляла мысль, тикавшая в висках жестяными ходиками. Четверо мужчин, пытавшихся прикончить ее в бывшем детском саду, превращенном в суд, решили взять на себя ее роль. Для собственного романа им оставалось парой укольчиков немного доработать ее «лирический образ», создать эпическое повествование ее грехопадения, а после сочинить нравственную проповедь всему обществу с видом посвященных в высшие таинства эпов. И это у них никак не получалось, потому что она не давала завершить им эстетическую триаду своего образа, слишком хорошо зная, что вовсе не они являются его автором.

Им оставалось чуточку поменять реальность почти шуточной мистификацией в виде «психолого-психиатрической экспертизы», после которой она навсегда превратилась бы в овощ с пустыми глазами. Небольшая загвоздка получилась у них с непосредственными исполнителями этой мистерии. Вряд ли их хоть как-то заставил задуматься или отказаться от подобных мистификаций в дальнейшем сам безнравственный смысл подобных «экспертиз».

…Насколько же правильно люди подходили когда-то к роли тех, кто принимал участие в мистериях. Еще в советское время ей неоднократно приходилось бывать на митингах, демонстрациях и прочих «народных гуляниях», где, первым делом, было необходимо отметиться по списку у «ответственных лиц». После очередной «обязаловки» она чувствовала полное душевное опустошение, будто толпа собравшихся вытягивала не только силы, мысли, чувства, но и саму ее жизнь. Будто кто-то нарочно этими «массовыми мероприятиями» старался изжить саму память о том, что раньше люди собирались вместе на священное действие, принять участие в котором - можно было лишь по движению души.

И уж куда более циничное и приземленное отношение проявлялось разного рода мистификациями, инсценировками «поворотов судьбы», когда «ответственные лица», верша чужие судьбы, запросто выполняли роль загадочных мойр.

Человек должен был за чистую монету принимать их «следственные мероприятия», а прокуроршу в белом халате – за врача-эксперта, оравшую ошалевшему «подэкспертному» о его злонамеренной «ненормальности». Немолодая уставшая медсестра, напротив, вовсе не хотела, чтобы кто-то мешал ей выполнять ее работу, кричал и царапался, просил о пощаде и портил ей аппетит перед обедом. Ей тоже хотелось, чтобы человек искренне верил, будто сейчас ему сделают всего лишь успокоительный укольчик для его же пользы, пока в его глазах медленно гасла душа.

Она все же попыталась в статьях и комментариях блога превратить в сказку свое уголовное преследование, так и не сумев написать для себя самой счастливый конец. Впрочем, она сделала все, чтобы навсегда отбить охоту травить живых людей по надуманным обвинениям. Но, искренне считая себя «писателем-реалистом», отдавала себе отчет, что без счастливого конца крупного эпического произведения, без созданных ею, легко узнаваемых образов, ей вряд ли удастся статьями отбить у правоохранительных органов возникшее неистребимое желание представить честного человека – уголовником. Она чувствовала растущую тягу к театральным постановкам, инсценировкам и мистериям, догадываясь, что единственный вывод, на который способны эти люди – будет касаться более тщательного подбора мистов.

- Вы только больше не говорите никому, что вас так долго травили, издевались над вами, потратив больше десяти миллионов рублей, чтобы приговорить к штрафу в двадцать тысяч рублей по статье, где минимальное наказание предусмотрено в сто тысяч рублей, - взволнованно говорила ей Анна. – Вы просто не знаете этих героических борцов с одинокими дамами. Это озлобленные люди, у них совсем нет совести. Окажись мы с ними рядом под немцем, они бы нас в крематории сожгли, рука бы не дрогнула! Они до сих пор не понимают, почему вся их ужасная борьба возле вас обернулась фарсом. Но ведь эта прокурорская Наташка до сих пор на стенки кидается! Уверена, ей на всех пьянках припоминают, как она психиатра изображала и свою половую связь с молоденьким следователям засветила. Они же вам еще мстить будут!

Впрочем, тут уж ничего поделать было нельзя. Разочарование ее судебным приговором в двадцать тысяч рублей в правоохранительных структурах не имело границ. Потраченные на ее уничтожение бюджетные деньги требовали более ощутимого обоснования. К тому же обвинительная направленность судебной системы свидетельствовала таким приговором, что никакого основания уголовное преследование не имело вообще. Поэтому в дальнейшем, по искам прокуратуры ее долго травили на работе, оставив, в конце концов, без всяких средств к существованию.

Ее, хорошо знавшую миф о царе Финее, которого гарпии последовательно лишали возможности утолить голод, нисколько не удивляла ожесточенность «борьбы с экстремизмом», обрушившая всей мощью правоохранительной системы – против одной женщины, чтобы довести ее до голодной смерти. Мало кто из людей, принимавших участие этой схватке против нее, понимал,

как далеко они отступают не только от человеческой логики, но и от самих естественных принципов самосохранения. Им казалось, будто они, напротив, только так могут спасти самих себя. Простое условие, что для дальнейшей жизни им надо всего лишь уничтожить женщину, не сделавшую никому ничего дурного, многие расценивали, как пустяк. В своей жизни они совершили немало отступлений от обычной человеческой порядочности, поэтому ничего сложного не усматривали в таком задании, которое к тому же очень хорошо оплачивалось. Но все предыдущее они делали по своей воле, очевидно, думая, что проявляют ее, все больше теряя над ней власть. Вряд ли они понимали, что в столь незначительном, проходном случае – они окончательно подчиняли собственную волю гарпиям, которые всегда рассматривали своих «временных союзников» лишь в качестве корма.

Ее давно тревожила мысль, будто время остановилось, а выигрывает от этого люди, не способные к творчеству... только потому, что она прекратила писать, оставила свое призвание. Финей подвергся нападению гарпий лишь потому, что, обладая даром предвидения, рассказывал людям, как им достичь... счастливого конца. От гарпий его защитили аргонавты, которым понадобился его совет. Она знала, что и ей помогут те, кто воспринимает свою жизнь – не «выживанием», а захватывающим приключением и вечными поисками заветного золотого руна, подталкивая оживляя чуть было не заснувшее рядом с ними время.

В детстве, испытывая обиду от несправедливости взрослых, она говорила себе: «Вот умру, тогда они все пожалеют!» Повзрослев, она поняла, что те взрослые, кто больше всех придирился к ней, пытались привести ее в соответствие со своим прокрустовым ложем ущербных представлений о жизни, тоже сделать «такой как все». От ее слов и поступков они чувствовали не только беспомощность, но и несостоятельность своего образа жизни. Поэтому вряд ли могли ощутить тяжесть утраты от ее внезапного ухода из жизни. Возможно, они бы даже почувствовали облегчение. Больше всего ее безвременная кончина могла расстроить тех, кого она любила, кого ни в коем случае не хотела бы огорчать.

Когда к ней ворвались с обысками и последующими издевательствами, ее время стремительно заканчивалось. И смерть, уже сжимавшую холодной рукой ее левое плечо, она вначале воспринимала своеобразным козырем именно на инфантильном уровне: «Вот я умру, а они не смогут отчитаться за десять миллионов...», но логическое завершение фразы заставило ее задуматься. Вернее, понять, что как раз ее охладевшим трупом этим господам будет очень удобно отчитаться за десять миллионов бюджетных рублей, раз им так и не удалось уничтожить ее своими «экспертизами».

...В ночь после обыска ей приснился странный сон, который она твердо решила никому не рассказывать, а на всех «экспертизах» тупо твердить, что по Конституции имеет право не свидетельствовать против себя.

Да и хороша бы она была, если бы разоткровенничалась с Наташкой-прокуроршей, что в ночь после обыска до самого утра играла в карты... со старинными часами, ловко тасовавшими колоду львиными лапками.

И где-то она уже точно видела раньше эти часы, правда, никогда особо не обращая внимания на затейливую резьбу их корпуса. На правом боку у них был изображен красивый кудрявый юноша лет двадцати, а на левом – мощный старец с крыльями и косой.

Играли они... на время. Часы объяснили, что раз с ней вышла какая-то ерунда, что она вынуждена теперь тратить остаток времени на правоохранительные тяжбы, а ее сказки так и остались недописанными, так она

может немного времени отыграть в карты.

Ей совершенно не хотелось играть, она чувствовала не просто огромную обиду от происходящего. После того, как на ее глазах молодые люди, возвращавшиеся после громких разборок и перекуров у мусоропровода выцветшими настолько, что их невозможно было описать в Интернете, ей казалось, что душу ее окутывает холод. Помня о своем сроке, она уже смирилась, что Новый год читатели блога встретят уже без нее и ее сказок. Тут же в голову полезли «спасительные» мысли, что никому она и раньше была не нужна, а сейчас ей объяснили с присущей правоохранительным структурам прямотой, что туда ей и дорога, потому что никто о ней не вспомнит и не пожалеет.

- Ну, я бы не был таким категоричным, - заявили часы в ответ на ее невеселые размышления. – Не понимаю, чего расстраиваться, что некие хамы не испытывают в нас необходимости по недомыслию? Еще не было случая, когда кто-то из них не пожалел бы о подобном некрасивом отношении в последнюю минуту. Слыхала песню про пять минут? Противная, правда? Пять минут останется... и ты бы посмотрела, что некоторые пытаются успеть в последние пять минут. Слушай, ты опять выигрываешь!

Вначале она выиграла год, но подумала, что это просто насмешка какая-то. Еще год терпеть эти рожи возле себя? Часики почему-то слишком эмоционально переживали свой проигрыш. Желая доказать, что ее выигрыш – чистая случайность, они поменяли козыри, и она выиграла еще три года. Часы страшно расстроились и сквозь истеричные рыдания сообщили, что если они не отыграются, то их на винтики разберут. Поэтому дальше они решили играть по-честному и больше месяца на кон не ставить. Два раза она проиграла, но выиграла больше. При этом у нее нестерпимо чесалась ладонь левой руки.

- К деньгам, что ли? – сказала она смущенно, что есть силы расчесывая ладонь. – Так откуда?

- А кто знает? – резонно протикали часики. – Пока тебя за экстремизм травят, так в университете будут зарплату всю до копейки отдавать. Чтоб к ним претензий от прокуратуры не было, а тебе было жальче работенку в университете терять. Как выгонят, тогда опять всем надбавки снимут, чтоб не радовались. Дело-то известное.

- Знаете, сейчас, когда платят по двенадцать тысяч, мне мою работенку нисколько не жалко, – заметила она. – По шесть пар в день работаю, с трудом коммуналку оплачиваю, а наши руководящие хмыри с факультета могут за год квартиру и машину купить. Как-то попробовала по девять пар читать... но очень тоскливо получается.

- Иногда ведь требуется проявить немного экстремизма, чтоб хоть за пять минут до конца узнать, насколько тебя обворовывают, – захихикали часики. – Но у тебя ладонь, наверно, потому и чешется, что вначале выигрыш на судьбе отражается.

Она взглянула на ладонь левой руки и увидела, как растет ее линия жизни, обходя все роковые изломы и разрывы.

- Это мой выигрыш? – спросила она потрясенно. – Но когда я проснусь, все будет по-старому?

- Не совсем, если мы договоримся, – вкрадчиво протикали часики.

- А можно было вначале обо всем договориться? – с раздражением сказала она хитрым часам.

- С тобой давным-давно обо всем договаривались, – заорали вдруг часы, и из них с клекотом вылетела растрепанная кукушка, спрыгнувшая на разложенные карты. – За птичку извиняюсь, конечно. Птичку обратно подсади! Верни птичку на место!

Маленькая бронзовая кукушка оказалась на редкость изворотливой. Ловить ее руками, когда невыносимо чесалась теперь уже и правая ладонь, было как-то хлопотно и неудобно. Но она все же поймала птичку на самом краю стола, зажав ее чесавшимися ладонями. Птичка норовила вырваться и больно клевалась.

- Это у вас не птичка, а зараза какая-то, – в сердцах сказала она, засунув кукушку обратно, чуть не переломав ей крылья. – Еще ведь шипит и клюется! Вот ведь дрянь какая!

- И эти борцы с нашим экстремизмом в головах тоже про тебя так же скажут, – хихикнули часы.

– Между прочим, их гарпии у мусоропровода караулили, потом расскажу. И про КамАЗ ты зря этому навязчивому типу сказала, он уже донос на тебя написал. Сейчас они с трудом соображают, что делать. Они ж его планировали сразу после обыска под КамАЗ пустить, он их

тоже достал своими идиотскими вопросами. А сейчас им еще три месяца от него вопросы выслушивать на счет КамАЗа... Тебе надо романы писать, а не эстремизмом заниматься! Или эстремализмом? Вообще чем вы тут все занимаетесь?

- Хорошо, а кто вас по винтикам разобрать может? Кукушка? – закрыла она неприятную для себя тему.

- Да при чем здесь несчастная птичка? – удивились часы. – Она наоборот, как видишь, разбираться не хочет. Это тетушки Эвриале и Сфейно – три сестры-мойры.

- Мне чем нравится эта ваши мифология, что там все распределено по сестрам, - сказала она. – Не то, что у нас – все по браткам.

- Об этом, кстати, нам и надо поговорить, - перебили ее часы. – В силу того, что ты... гм... в некотором роде заменяешь сестру горгон Медузу, повелевая снами живых, а получила за это шиш да маленько, включая обыск и преследование за свой уголовный экстремум, мне удалось немного надавить на совесть непреклонным сестрицам. Ты о них знаешь?

- Платон в диалоге «Государство» говорит о мойрах, сидящих на тронах посреди Вселенной, в белых одеждах, с венками на головах, - пожала плечами она. - Первая, Клото, «Пряха», вечно прядет нить, олицетворяя неуклонное и спокойное действие судьбы. Вторая, Лахесис, «Судьба», помогает ей, делая узелки и переплетая нити. Она олицетворяет все случайности судьбы. А третью зовут Атропос, «Неотвратимая». Она олицетворяет не только неотвратимость судьбы, но и смерть, поэтому иногда ее зовут «Перерезающая нить». Их веретено тоже имеет имя - Ананке, «Необходимость». И звуки движения планет, которые сейчас записывают в

космосе со спутников, - это пение мойр. Клото поёт о настоящем, Лахесис - о прошедшем, Атропос - о будущем.

- Неплохо! – похвалили ее часы. – Замечу лишь, что в поздней античности мойры считались дочерьми Зевса и Фемиды. Но еще Платон считал их порождением Ананке. Кто-то приписывает отцовство Хроносу, но я здесь абсолютно ни при чем! Когда-то вообще считалось, будто у каждого человека есть своя майра, но, согласись, тогда бы никаких концов было не найти. Это абсурд! Гесиод, пожалуй, ближе всех подошел к истине, считая майр дочерьми Ночи. Все это не так уж важно! Рождение и смерть стоят под особым покровительством мойр. Поэтому Дельфах изображались только Клото и Лахесис, чтобы не подключилась Атропос. Разговор с Неотвратимой получается крайне коротким, она не дает предсказаний! Вместо ответа она просто рвет нить.

Часики поперхнулись, закашлялись. Нижний ящик у них выдвинулся, а в нем стоял небольшой поднос с красиво нарезанным лимоном и бельгийским шоколадом ручной работы. Возле подноса играли алмазными гранями две стопки с коньяком.

- Как вспомню этих нервных озлобленных на всех женщин, сразу все в горле пересыхает, - пояснили часы, опрокидывая прямо на себя рюмку с коньяком. – Чего сидишь? Пей! Говорим вообще-то на полном серьезе о когда-то закрытом знании, превратившемся сегодня... в сказочку для убогих и отверженных. Без коньяка не проникнешься. За экстервизм!

Коньяк был без спиртового привкуса, терпким и душистым. Больше всего ей понравилось, что выпитая рюмка тут же снова полнилась сама собой. А вот с шоколадом такого не получалось, шоколад часики подгребали под себя двумя лапками, перемазав коричневыми разводами старинные карты в стиле рококо.

- С мойрами есть несколько тонких моментов, на которых удалось сыграть, - продолжили часы, чавкая лимоном. – С одной стороны, они определяют момент смерти человека и заботятся, чтобы никто не прожил дольше положенного ему срока. Они отслеживают смену времен и поколений, чтобы никто здесь «не задержался», чтобы время никто не останавливал. На самом деле это вовсе не богини судьбы и смерти, как их обычно воспринимают, особо не задумываясь, на чем Вселенная держится. Да кто нынче о таких вещах задумывается? Нынче ведь «выживают», а не живут, забывая, что другой судьбы мойры не дадут. Поэтому мойры - богини закономерности и порядка в мире, а также... внимание, мин херц! Они, как и горгоны, хранительницы всех проявлений души. А как дочери Ночи, мойры — сёстры и союзницы эриний,очных кошмаров всех, кто нарушил человеческие божеские законы, но ушел от возмездия. Так я им говорю, что за дела? Некоторые тут обыски проводят, с эскрутизмом борются, а их все равно под КамАЗ пустят раньше времени, не посоветовавшись с мадам Атропос. Так можно у них то, что от КамАЗа останется... как-то аккуратненько в другое место подвязать? Ферштейн?

- Насколько я поняла, мне дается еще немного времени, - сказала она, с удовольствием прикладываясь к коньяку. – Коньяк замечательный! Надо перед обыском все же людям коньяк давать, это вообще редкий садизм – устраивать такое в мирное время и без анестезии. Так какое условие они там поставили?

- Ты должна собрать всех своих сестер! Как в орфическом гимне, которым ты от прикурков с гипнозом закрываешься, – ответили часики, покачиваясь. – А знаешь, я раньше Атропос считал редкой зверюгой. Между нами, конечно. Приходилось уже просить, знаешь ли, за Каллиоп. В твоем случае на успех даже не рассчитывал, если честно. Ты ж у нас нынче кто? Ты у нас нынче народная сказительница каких-то сказочек! А в общественном плане – какая-то эстермалистка. А где эпос? Где героизм, я спрашиваю? А какая мелкая в твоих сочинениях натура? Пиши про каких-то пыжиков... Где брутальный мужчина средних лет, всегда готовый... на все такое. Ну, ты меня поняла. Очень на это рассчитываю.

- А я откуда такого тебе возьму? – возмутилась она. – Где я бы такого увидела-то? Сегодня полдюжины служивых у меня в доме топтались, а как куртки надели... вообще стали все на одно лицо! А лицо... как яйцо. Или задница. Ни глаз, ни родинки... Думаешь, если бы я Ахиллеса нашла, то сама бы такому на шею не кинулась? Фиг бы я его вам описала! Потому раньше Каллиопами женщин и не назначали. Я бы свою личную жизнь устроила, а не романы бы писала. Нафиг мне эти двести наций сдались с ихним экстремизмом! Я бы всем две фиги выкрутила бы! Вот, гляди! Я бы такого себе оставила!

- Что, я фиги не видел? – неуверенно ответили часы, с трудом расставляя лапки по шире. – Видел я фиги и побольше. А ты с Гомера пример бери! Он вообще ни черта не видел! От рождения! А какие у него герои... Это ж настоящие мужики! И кто его до сих пор переписал? Только Толкиен приблизился во «Властелине колец»! Какие там эльфы! А гномы? Даже в хоббитах нашел что-то героическое...

- Ты чего, решил, что я тебе фэнтази писать буду? – взъярилась она, швырнув рюмку в стену. – Я – писатель-реалист! На-кося, выкуси! Если меня окружают пыжики, так они и будут пыжиться!

- Слушай, ты только рюмки не бей, - не на шутку перепугались часы. – У тебя сейчас после обыска прослушку накидали. Они запишут и представят твой аморальный облик в доносе. И

рюмки у нас, между прочим, с дачи бывшего министра культуры, из императорского сервиса театра. Бери новую рюмку, но не веди себя по-экспромтистски, тебя ж посодют!

- А ты мне героев не навязывай! Мне эти герои сами навязываются, — сказала она, принимая новую рюмку, наполненную коньяком. — А коньяк откуда? Хороший коньяк, между прочим.

- Обычный советский коньяк, с приема в ЦК КПСС, они там сивуху на испанском спирту не хлебали, — почти дружелюбно ответили часы. — Вспомнилось мне, как некоторое время назад ходил я к Атропос по поводу одной Каллиопы, которая писала чудесный роман про Мастера и любовь всей его жизни Маргариту, ставшую ведьмой, когда Мастера забрали в психушку... А коньяк я тогда прихватить забыл. Вернее совсем не подумал.

- Так, знаешь, и я могу! — заявила она, опрокидывая рюмку коньяка. — *«В белом плаще, с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи...»* Хотя роман очень и очень стоящий... Думаю о нем, кстати, частенько.

- Представляешь, прихожу к этой старой кошелке, — доверительно наклонились к ней часики. — Описывают ситуацию. Человек больной, не печатают, травят, только что обыски не устраивают, но ситуация схожая в целом. Говорю, мол, роман закончить надо!

- А она? — затаив пропитанное коньячнымиарами дыхание, спросила она.

- А она!... Она! — завизжали часы, забыв о прослушке. — Она оторвала такой ма-аленький обрывочек нити, вот такусенький! И говорит мне ехидным тоном: «Как роман закончит, помрет!»

- И что? — с трудом подняла она брови.

- Да ты что, не знаешь? Как закончил роман, так и помер! — разозлились часы. — С тех пор я к ней без коньяка уже не ходил. Она, конечно, отнекивается всегда, говорит, что им нельзя, служба такая.

- А ты чего? — прямо спросила часы писатель-реалист.

- А я ей говорю, что время нынче такое, — покачнулись часики. — Мне же лучше знать! Ну, пока еще различаем реальность... чтобы отразить ее в своем экспараноидальном творчестве, хочется дать на прощание один ценный совет. Мне кажется, ты забываешь про свои какие-то... особенности.

- Да какие там особенности? — искренне удивилась она. — Вот ты говоришь об эпосе, о настоящих героях... А у меня основной прием — фарс! Нет, я понимаю, что это как-то отражает и время, характер нынешних чижиков-пыхиков, которые не стесняются лезть в герои, а после в качестве героев могут лишь вшестером к dame ворваться с обыском. Все! Но разве мне не хочется настоящего «героизма буден»? Думаешь, мне не хотелось бы написать о большой и чистой любви, о высоких чувствах и порывах? А я смотрю на человека и думаю, что... под КамАЗ ему давно пора. Это и называется у нас экс... ну, этим... как его? Вот за что обыск сегодня проводили. Ну, ты меня понимаешь, да?

- Забей! — ответили часы. — Твой первый роман назывался «Повелительница снов», а никто такого не делал раньше для Медузы, защищавшей сны. Думаю, что к тебе перешел и этот ее дар-обязанность. Значит, ты должна охранять сны... а можешь ведь и не охранять! Тебе ж не зря про КамАЗ подумалось, это же ты сняла отпечаток от его дурных предчувствий, интуитивных ощущений. Он же лучше знает, где и с кем он работает... Но пришел домой после обыска — и спит себе с чувством выполненного долга. Такой пародокс в целом получается. Он у тебя обыск провел, ты не спишь, в карты играешь, а он дрыхнет до утра довольнешенький! А разве это справедливо?

- Да какая уж тут справедливость, — проворчала она, успокаивая себя очередной рюмкой с коньяком.

- Вот! — откликнулись часики, забирая последнюю шоколадную конфету. — А я считаю, в таком случае ты тоже имеешь полное право обидеться. Нафиг такой график! Прикинь, что о Медузе наговорили, какой ей приписали экспрессионизм, вдобавок отрубив голову! Кстати, милое дело нынче заниматься экстраполизмом, сейчас хоть за это головы не рубят. Сейчас тихо

строчат доносы. И можно сказать следователю, что это вовсе не о тебе. Сейчас за это даже на дуэль не вызывают. Помнится, ходил я как-то к Атропос за одну Каллиопу просить... Какой был Поэт... просто гений! Подстрелил его один подонок на дуэли, он истекал кровью. Говорю, дай хоть человеку с семьей проститься!

- А она? – спросила в стельку пьяная собеседница.

- Как обычно, – ответили часы. – С семьей простился, с друзьями... и помер. Послушай, что бы о тебе не сказали, а ты хранишь их души. Как уж у тебя получается в условиях, когда от тебя все добиваются, чтоб ты стала такой, как все. Мой тебе совет, ты иногда отходи в сторону. Научись не изменять себе только с теми, кто этого достоин... У вечных сущностей такого права нет, а ты – человек! Если тебя не признают преемницей Медузы, так тебе-то чего надрываться?

- Не понимаю, – призналась она, покачнувшись. – По крайней мере, я не знаю, как все это делать... И знаешь, мой принцип в том, что нельзя сортировать людей, они и без меня отлично сортируются. А потом... я ведь не смогу писать, если не буду надеяться на лучшее в каждом человеке. Чем же я стану лучше этих борцов, если сама начну решать, кто достоин моей поддержки, а кто нет? Как они я не хочу... хотя совсем не знаю... Как это делать-то?

- Когда не знаешь, как делать, лучше ничего не делать! – прокричали часы, начал отбивать полночь. - О, мое время вышло! Счастливо!

...Утром от всего этого сумбурного сна остался поднос с подсохшим лимоном и рюмка с недопитым коньяком. Она вымыла рюмку, но как только протерла и поставила ее на стол, та немедленно наполнилась душистым коньяком, распространявшим тонкий аромат. И это ее нисколько не удивило. Ей вообще показалось, что после обыска ее квартиры хихикающими молодыми людьми, явно стеснявшимися друг друга, она навсегда разучилась удивляться.

Что могло быть странного в том, если бы где-то посреди Вселенной

действительно сидели три сестры-мойры? И до увольнения из органов ее следователю вряд ли могло такое прийти в голову, себя он считал образцом психической нормы без всяких шизофренических отклонений. Но ей совершенно не хотелось становиться настолько «нормальной», какими стали они. Их понятие нормы включало в себя и уничтожение незнакомой женщины в качестве «государственной преступницы». Стать нормальной, означало для нее признать, что ее попытка написать счастливый конец – и есть самое настоящее преступление. И разве в глубине души ее мучители не сознавали, что приказ о расправе над ней – они получили от самых настоящих, нисколько не маскирующих свои намерения преступников? Она думала, что уж лучше ей до конца оставаться ненормальной, с их точки зрения, и верить в то, что три суровые дамы посреди Вселенной, приняв на грудь замечательный коньяк от странных часиков на львиных лапках, все же помогут ей выпутаться из сковывавшей ее паутины.

И в тот момент, когда у ее мучителей явно иссякла фантазия, она не могла не заметить, что все «следственные» и «правоохранительные» мероприятия в отношении нее свелись именно к тому, к чему она сама всегда стремилась всей душой. Они явились с обыском, когда ее покинула надежда достичь какой-то известности, прочного положения, а жизненные обстоятельства давили так, что иногда она думала, что литература осталась для нее почти забытым прошлым.

Это не позволяло ей освободиться от всех своих многочисленных работ, чтобы полностью посвятить себя новому, большому, еще неведомому ей роману. Этот роман назревал вокруг нее странными происшествиями и совершенно случайными стечениями обстоятельств, когда будущие его герои, будто подгоняя и торопя ее с завязкой сюжета, сами входили в ее жизнь, пытаясь поведать ей свою историю.

Отдав все силы последнему роману, которому вновь не позволили дойти до широкой публики, она боялась, что все ее усилия уйдут в песок. Новый роман потребовал бы полностью выпасть из своего времени, из своей жизни, от которой и так оставалось все меньше. А, пока она не решалась начать новый роман, это сделали за нее правоохранительные органы, вырвав из устоявшегося течения жизни. Небольшую проблему с иссякавшей линией жизни решили часы с львиными лапками, как бы проиграв ей необходимое время в карты.

Да, денег не было совсем и не предвиделось в обозримом будущем, но она сама оказывалась в полном распоряжении взбунтовавшегося вокруг нее времени.

...Сюжет романа никогда не представлял особой проблемы, его подсказывала сама жизнь. Для нее сюжет представлял собой лишь совокупность мыслей, чувств и поступков героев на определенном отрезке времени, которому они полностью соответствовали. И ее творческим принципом всегда была мудрая фраза, казалось бы, не имевшая никакого отношения к литературе - «Всему свое время». Но, точно выверяя каждую деталь, даже в самой смешной своей сказке она старалась точно отражать пусть самый незначительный момент времени, зная, что именно время является главной возможностью любого действия. Стоило времени продвинуться чуточку дальше, как многие возможности исчезали, зато появлялись совсем другие, которые надо еще увидеть и осознать.

Как она любила наблюдать завязку новой истории, строго разделявшей героев на тех, к кому с надеждой тянулись человеческие сердца, и на тех, кто пытался всячески помешать счастливому концу, навсегда остановив время.

Каждая история, хотя бы краешком коснувшаяся ее, превращалась в фарс, стоило ей сказать хоть одно слово по поводу. Персонажи вдруг начинали действовать так, как им самим казалось наиболее нормальным. Они решали, что их единственная и неповторимая жизнь – самое важное во Вселенной. И уж раз никому они старались не делать ничего дурного, ни в чью душу не лезли с очередными «изъмами» то и норму в их жизни определяли три сестры-мойры, а не органы правопорядка.

Она видела, как радостным фейерверком вокруг взрывалось время, стоило ее героям заявить о своем конституционном праве на счастливый конец, когда вокруг им терпеливо объясняли, что в условиях экономического кризиса и переходного периода к рыночной экономике им надо было вести себя несколько скромнее. Им следовало терпеливо переживать очередные трудности, созданные теми, кто признан в качестве образца психической нормы.

Финал становился для нее самой важной частью любого произведения. Счастливый конец должен был дать читателю надежду на справедливость и веру в жизнь. Она не признавала «открытые концы» или недосказанность в finale. История должна была остаться завершенной, оставаться прошлым, чем-то пережитым.

Написать трагический финал труда не составило бы. Но когда время остановилось, сдвинуть с места его мог даже не финал, а лишь неожиданный бурлеск, цирковой парад-алле всех героев персонажей.

И мало кто понимал, каких усилий стоило помочь героям выстоять и дойти до своего счастливого конца. За каждый такой финал ей приходилось расплачиваться какими-то своими надеждами, мечтами и желаниями, чтобы сбылись надежды читателей.

«Да, всегда подменяется лишь конец!» - думала она про себя, вновь испытав тянувшую тоску от самой мысли, сколько подмененных концов историй ей придется заново дописать.

* * *

- Мам, а почему у тебя в холодильнике коньяк киснет? – однажды подозрительно поинтересовалась у нее младшая дочь. – Коньяк же не охлаждают! Ты его в качестве прохладительного напитка стала употреблять? Ну, ты даешь!

Наверно, это вообще не соответствовало никаким представлениям о норме, но каждый вечер, стоило зазвонить скайпу, она брала заветную рюмку конька и, согревая его в своих ладонях,

медленно отхлебывала янтарную жидкость, глядя на монитор, где светились четыре окошка со скульптурными аллегориями четырех старших муз: Каллиопы, Клио, Урании и Эвтерпы. Кроме скрывавшихся за этими никами подруг, с которыми она познакомилась в своем блоге, никому из знакомых в ее реальной жизни она не смогла бы рассказать даже о рюмке коньяка, не говоря уж о требовании некой Атропос посреди Вселенной. Она с трудом заставила себя сказать об этом Анне, когда они в очередной раз брели с ней

после суда домой.

- А я вам верю! – неожиданно заявила Анна. – Мне вот тоже не хочется, чтобы подумали, будто я сама такая же ненормальная, но я точно эти часы во сне видела! У меня все кольца из этого сна! Я и блог ваш нашла, потому что хозяйка этих часов мне сказала, будто я тоже настоящая муз по имени Клио.

- Мы такое не будем дома и в суде говорить, там же все подслушивают, - испугалась Каллиопа.

– Нам теперь надо подумать, как найти Уранию и Евтерпу.

- Мы такое, конечно, в суде не скажем, - согласилась Клио. – Но раз нам такое условие поставили... куда деваться? Надо собирать круг старших муз! Только это уже часть вторая нашей уголовной статьи, это уже будет «создание экстремистского сообщества».

- Может, тогда не надо? – заволновалась Каллиопа. – В суде и так на тебя все волками смотрят... В особенности, когда ты доказала им, что экстремизмом без государственной поддержки заниматься нельзя.

- Да они же очень нормальные! – с раздражением заметила Клио. – Такие нормальные, что единственное, что им придет в голову после моего доказательства – выгнать вас с работы. Вы видели их крысиные личики? Вы такой же стать хотите? А я хочу радости и счастья! И не думаю, что мое желание является уголовной мотивацией, если для этого мне совершенно не надо никого уничтожать. Поэтому двух таких же ненормальных мы найти сможем.

- И что мы им скажем? – растерялась Каллиопа.

- В духе времени! Скажем, приезжайте к нам на огуречные чтения, у нас коньяка – море разливанное! Я в прошлый раз воронку купила, у вас воронки в доме нет. Потом из вашей рюмки коньяк в бутылку выливала.

- И что? – заинтересовалась Каллиопа.

- Экстремент... тьфу! Эксперимент дал положительные результаты, - подмигнула ей Клио. - Коньяк даже утром никуда не исчез! Вам с такой рюмкой целый митинг собрать можно. Революции только так и устраивают, между прочим. Вначале грабят спиртовые склады, а потом происходит политическое озарение масс.

Ты меня достала уже своими историческими аналогиями! Не нужна мне революция! – возмутилась Каллиопа. - Ты посмотри, во что превратилась литература советского периода, когда там революция представлялась счастливым концом. Или вообще... началом.

- Согласна, нам ведь кто нужен? Самые ненормальные! – ответили Клио. – Я по комментариям в блоге пройдусь, отмечу тех, кому ваши рассуждения кажутся наиболее близкими, а вы каждой напишите самое ненормальное письмо. Если приедут – она наши!

Лариса Петровна и Вероника Евгеньевна восприняли их предложение с абсолютно ненормальной готовностью, будто именно такого поворота сюжета они и ждали всю жизнь. После встречи на чтениях все четверо завели себе дополнительный аккаунт в скайпе. Все же сны оставались снами, а рюмка коньяка, кольца и мексиканская шляпа Жоры, решившего тоже посвятить часть своей жизни искусству, в реальной жизни плохо настраивали на древнегреческий лад, а переход к античному антуражу сеанса связи отчего-то даже заставлял иногда говорить белыми стихами. К тому же Каллиопа рассказывала, как ей не понравилось, когда она однажды увидела своего знакомого в онлайн, точно зная, что его не может быть на месте. Она поняла, что кто-то на работе проверял его контакты, надеясь, что она вступит в переписку. Они договорились связываться по скайпу исключительно со своего компьютера и в отдельном аккаунте, каждый раз выходя из программы после окончания сеанса связи. Интерес к вечерним посиделкам явно превышал их терпение, поэтому они решили не рисковать.

И теперь каждая, видя на экране копии античных скульптур, тут же проникалась особой атмосферой их вечерних посиделок, до которых с трудом дотягивала Каллиопа. Первым делом, зажигая свечи рядом с собой, кто-то из них обязательно интересовался, сколько раз зажигала свечу днем сама Каллиопа. И по тому, как часто она зажигала свечу, они понимали, насколько трудный день ей удавалось преодолеть. Все четверо знали, насколько важно помочь Каллиопе дописать счастливый конец, хотя начавшая против нее очередная кампания совершенно не располагала к мечтам о безоблачном счастье. И часто, когда все они собирались за скайпом после работы, она признавалась, что сама не верит в то, что сможет пережить самое темное время года до зимнего солнцестояния.

- Девочки, я хочу, чтобы вся мерзость жизни тех, кто ворует не просто деньги, а саму чужую жизнь, крадет веру в справедливость бытия, вышла наружу, взорвала слабую оболочку внешней пристойности, - сказала Каллиопа безжизненным голосом.

- Присоединяюсь к справедливому требованию сестры! – серьезно поддержала ее Клио. – И раз уж они так настроены против того, чтобы она преподавала, пусть сами, своим примером преподают всем уроки жизни! Пусть дадут такие уроки, чтоб они навсегда остались в истории!

- А я хочу, чтобы они начали грызть друг друга за «неприкрытие» бюджетные деньги, а чтобы деньги обрели свою волю и вырвались из их власти! – вдруг набралась смелости Урания.

- Девочки, а можно я скажу? А мне можно? – пропищала Эвтерпа. - Я хочу, чтобы пока они поражали всех своими «педагогическими способностями», мы бы вызвали у всех интерес к классическим искусствам и сумели бы... немножко помочь младшим сестрам...

- Ты чего? – откровенно враждебно поинтересовалась Клио. – Ясно же, что мы должны всех заставить читать Каллиопу! Мы должны помочь ей преодолеть трудные времена!

- Постой! – задумчиво сказала Каллиопа. – Какой смысл все усилия направлять на участок фронта, по которому бьют прямой наводкой, где меня разбивали не раз и не два-с? И блог этот... Я публикую там мысли и материалы, после их извращают, растаскивают для своих статеек и заявлений «прогрессивные деятели» и журналисты всех мастей без ссылок. Не помните, как этого профессионального игрока в викторины на кармане ловили? Причем, дождался, когда я за три года основные постулаты всем доказала, собрав все шишки, - и вышел

мой труд присваивать! Потом заявил, что у нас – «единомыслие без plagиата»! Сколько можно их кормить собой? Тем более, что моя задача – писать романы, а не публицистические статьи. Только в образах, которые пройдут испытание эстетической триадой «автор-образ-читатель» я смогу изменить этот мир к лучшему. И для закрепления этой триады нам всего надо пять человек, которые у нас всегда найдутся!

- Тогда я предлагаю придется запустить на огуречном портале новостную ленту, отмечая наиболее важные события, смещая акценты к общечеловеческим ценностям – в новости науки и культуры, - предложила Клио. - Надо отслеживать действительность, но выбирать из нее наиболее ценное и существенное. Кстати, отчего-то уверена, что все нами упомянутое как-то начнет срабатывать. Ведь свой урок эти господа решили преподнести именно мне.

- Давайте! – подхватила Эвтерпа. – Мне наша новостная лента совершенно не нравится. Уже многое поменяется само собой, если мы будем отмечать то, что считаем важным. А то, что нам навязывают в качестве самого важного – будет отправлять в игнор.

После этого сеанса начали происходить странные вещи, помогавшие Каллиопе держаться до вечера. Все новостные ленты газет, телевизионных каналов, Интернет-изданий взахлеб сообщали об обысках в офисах крупных компаний, в кабинетах высокопоставленных чиновников, в квартирах любовниц членов правительства... Постепенно ее стала раздражать навязчивая активность правоохранительных органов, явно пытавшихся всем доказать, что лишь с ними может возникнуть счастливый конец. Саму Каллиопу их слишком запоздалая активность вовсе не приближала к действительно счастливому финалу. Она понимала, что находится в плотном кольце окружения, куда вместе с ней попали все, кто верил в ее правоту. И выйти из этого окружения следовало там, где их никто не ждал.

Она пыталась объяснить концепцию своего счастливого конца, когда счастье должно прийти исполнением желаний ко всем героям ее романа без исключения. Выслушав ее, Клио вспомнила, что муз девять, а их лишь четыре. Поэтому счастливой развязки ждать не приходится. Посоветовавшись, решили, что Урания и Эвтерпа займутся классическим искусством, где еще теплится настоящее вдохновение.

- Опера и балет – ничуть не ниже большой прозы, ни на йоту ее не меньше, - заметила Каллиопа. - В любом виде большое искусство должно вызывать радость жизни, давать надежду

и отогревать души. Раз нам не сладко, не думаю, что кому-то из младших муз помешает участие в нашем счастливом конце.

- Если говорить о младших музах, то, насколько я помню эту среду, их здесь можно определить куда проще, чем нас, извините, - тут же встрияла Эвтерпа. – В отличие от нас, они на виду, это главное условие их профессии. Насколько я могу судить, Эрато, поддерживающая связь между младшими и старшими музами, - это очень известная тележурналистка. Терпсихора – балерина Владимирская, Полигимния – тоже всем известная оперная дива, которая царит на сцене уже почти полвека. На счет Мельпомены у меня тоже нет и малейшего сомнения, это всем известный премьер главного театра страны Николай. Я даже считаю, что признак избранности для младших муз заключается в том, что они становятся участниками каких-то скандалов, сосредоточием публичной травли.

- Я послушала это перечисление, - сказала Урания. – Люди-то очень известные. Причем, известны незаурядными творческими достижениями. А все делается так, будто кто-то нарочно стремится создать им скандальный имидж. Согласитесь, их имена чаще всего упоминаются в негативном ключе.

- А это нарочно делается, чтобы уйти от творчества! – категорично заявила Клио. – Меня здесь все же беспокоит другой аспект - мы слишком далеко от тех, кому решились помочь.

- Она права! – поддержала ее Урания. - Возле них свой круг знакомых и близких, мы слишком далеко от них! И все же мы – их публика, мы обязаны их поддержать.

- Если они музы, - задумчиво проговорила Каллиопа, - любой наш интерес вызовет дополнительную атаку на них, не давая нам соединиться. До зимнего солнцестояния эти люди выдумают множество гадких вещей. Ведь даже Талию среди всех талантливых юных балерин можно будет выделить лишь по тому, на кого обрушатся жизненные невзгоды.

- Но именно поэтому им понадобится счастливый конец! – горячо вступилась за младших Эвтерпа. – Их клюют и без нас!

- А вообще это очень интересно заведено, что как раз младшие музы, которым необходим живой контакт с публикой, изначально получаются какими-то изолированными, - заметила Каллиопа. – Вроде и все на виду, а как тут создать органичный образ?

- Но у них само по себе обучение классическому искусству изолируют их от общества, изначально замыкает на профессиональной среде, - ответила Клио. – Придется всем начинать писать об опере и балете.

- Вообще-то я не собиралась писать о балете, тем более – об опере, - запротестовала Каллиопа. - Это вы на меня наседаете, а я вам поддаюсь, потому что я очень робкая и нерешительная!

- А о чём вы хотели писать? – подозрительно поинтересовалась Урания.

- Не знаю, - призналась Каллиопа. - Во мне все время звучат какие-то чужие голоса, что писать мне ничего не надо, меня все равно никто не услышит. А после этой травли, этих наездов и попыток доказать, будто я для них – лишняя и ненужная, я сама не хочу писать... для этих людей. У меня вообще какой-то внутренний барьер возник!

- А почему вы тогда не пишете про громкие дела? – удивилась Урания. – Вот сколько нынче обысков, арестов... Будто, попытавшись изменить время для вас, эти люди изменили его и для себя.

- Из-за всех этих обысков громких разоблачений, когда о главном все равно не говорят, – ко мне пришло какое-то... разочарование, - поморщилась Каллиопа. - Мне кажется, что это вовсе не счастливый конец, а напротив, желание оттянуть концовку. Попытка скормить кого-то вместо себя. Ведь нравственного переосмыслиния не возникает! Никто не спешит признать собственные ошибки! Это обычное желание остановить время, сдавая пешку, как в шахматной игре. Сейчас многие хотят писать об этом, пока их по норкам не шуганули, вот и пускай пишут. А я о таких персонажах писать не буду.

В целом, Каллиопе очень понравилось предложение Эвтерпы. Но ей казалось, что сестры не чувствуют, как прорывается и пытается наступить совершенно другое время. Но перед ним надо было пройти черную полосу испытаний, чтобы это новое время все-таки наступило.

Казалось бы, в первую очередь, ей надо было свести счеты с теми, кто уничтожал ее в реальной жизни. Но почему-то она не хотела ни строчки посвящать тем, кто считал, будто до конца жизни, в которой они так удачно устроились, им предстоит лишь оценивать других, единолично решая, кто чего стоит в этой жизни. Она чувствовала, как стремительно иссякает время, когда они использовали доставшееся им значение в реальности для того, чтобы определять степень чужой «нормальности». Наступало другое время, когда их личности приобретали истинные размеры. И если бы она начала о них говорить, как о своих героях, то придала бы им тот вес, которого они были недостойны. А это могло бы отнять время у других, куда более достойных героев, о которых ей надо было успеть сказать.

* * *

...Сколько раз Мылин уже пожалел, что согласился на участие в плане Антона Борисовича под предлогом упрочения своих позиций в театре, в глубине души понимая, что без расстановки каких-то жестких акцентов хотя бы таким образом - и его личные планы вряд ли смогут воплотиться в жизнь счастливым концом. Когда-то, танцуя сказочных принцев в романтических балетах, он всей душой стремился к финальным аккордам перед бурей аплодисментов зрительного зала. Возможно, такой неправильный у него тогда сложился стереотип, что счастливый конец для него – непременно должен означать и абсолютное счастье всех, кто поздравлял его за кулисами, кто кричал «Браво!» с самого верхнего яруса.

С каждым днем он чувствовал, как отлично задуманная тестем операция на глазах превращалась в аферу и, чем дальше, тем больше начинала походить на какой-то фарс. Иногда ему казалось, что иначе и не могло быть, поскольку сам план задумывался в одно время, а осуществлялся – совершенно в другом. Самой воспаленной от омолаживающих прижиганий кожей он ощущал, как меняется вокруг само время. У него даже стали возникать странные мысли, будто он пытается скрутить для себя время, остановить его ход, убрав морщинки под глазами и вернув прежний овал лица, а время уходит, навсегда забирая с собой и то, чем уже одарило его за долгие годы, бесследно стиравшиеся с его лица.

- Время поменялось! – вырвалось у него вслух, когда Антон Борисович сказал, что на какое-то время им с Дашей надо будет уехать за границу для лечения, чтобы на экспертизу полученных имувечий представить его медицинскую карту, а не его самого.

По телевидению уже прошли передачи с рассказами о новых экспериментальных методиках восстановления кожного покрова, поврежденного от ожогов, которые якобы применялись на нем. Но чем дальше, тем больше вопросов возникало в обществе. Антон Борисович обещал, что в Интернете все будут молчать, потому что сам случай будет использован «для зачистки виртуального пространства» от «хакеров-балетоманов, готовых на все». Но главной целью, конечно, было инсценированное самоубийство дорогого друга Коли, который должен был покончить с собой в раскаянии от совершенного злодеяния.

И поначалу Мылин нисколько не сомневался, что при развернувшейся травле, на фоне всеобщей обструкции – все произойдет именно так, как было задумано. Даже первые сообщения о нападении на него неизвестных. Директор театра заявил, что истоки преступления – в скандалах, которые постоянно устраивал премьер, ставший настоящим «злым гением театра». Бывший министр культуры, вторя ему, под своим именем дал статью, озаглавленную достаточно претенциозно: «Для оздоровления обстановки в театре необходимо уволить нашу зарвавшуюся балетную звезду».

В прессе выступила и пресс-секретарь Никифорова, мрачно заявив, что все интриги, скандалы и склоки, источником которых является всем известный балетный премьер, вылились в преступление: «Подозрения у администрации театра есть, и за этими подозрениями стоят конкретные люди. Кому это было выгодно и нужно. Но хочется, чтобы заявления были не голословные, а с фактами. Обидно, когда такие подлые дела остаются без наказания. Надо искать среди людей с непомерными бесстыдными амбициями внутри театра - среди тех, кто заинтересован в дискредитации русского балета и, прежде всего, администрации театра. Надо

посмотреть, кто заинтересован в том, чтобы поставить на руководящих постах своих людей в театре».

Молчал лишь Мазепов, хотя Мылин знал, что именно он должен был заняться информационной поддержкой зачистки Интернета. Антон Борисович по секрету пояснил, что у Мазепова не только возникли проблемы со здоровьем, но и произошло большое несчастье в семье. В новогодние праздники его любимый сын поехал с друзьями в одно из подпольных казино. А там он попался в гардеробе на чужом кармане, решив вытащить у своего приятеля сорок тысяч рублей. Его задержали на несколько часов, а когда разобрались и отпустили домой, мальчик от всех этих переживаний стал немного не в себе. Начал выть на луну, а в новолуние – убегать из дома через пожарную лестницу на лоджии. Самого Мазепова Антон Борисович встречал в театре с совершенно пустым отсутствующим взглядом. Он явно уходил от ответа, на вопросы не реагировал, а стоило проявить настойчивость – тут же начинал сосредоточенно чистить свой пиджак резиновой щеткой, снимая с себя ключья рыжеватой шерсти, будто всем видом показывая, что возиться со своей собакой у него время есть, а вот Интернетом заниматься ему совершенно некогда.

Между тем, именно от Интернета Мылин ждал наибольшей опасности, хотя пока там были лишь пожелания ему скорейшего выздоровления и выражения сочувствия. Он сам не поналышке знал, как может мгновенно перемениться вся эта среда буквально за пару часов. Время там текло по своим законам, постепенно переформатируя и подминая под себя реальность. Поэтому он с благодарностью отметил про себя, что вместо сошедшего с дистанции в самый неподходящий момент Мазепова – весь процесс формирования общественного мнения в Интернете взял на себя Антон Борисович.

В социальных сетях начали возникать новые лже-странички от его имени, где Антон Борисович выкладывал скриншоты его «личной переписки». Страницы имели недостаточную для возникновения скандала посещаемость, поэтому само их появление органично увязывалось Антоном Борисовичем в подаче «самого громкого преступления этого года» средствами массовой информации. Мылин только хмыкал, читая кричащие заголовки электронных версий СМИ в своем смартфоне: «Художественному руководителю балета Мылину снова пытаются испортить жизнь», «Пока Мылин проходит лечение в больнице, анонимные злоумышленники начали новые атаки - через интернет». Он с удовольствием отметил про себя, что в большинстве публикаций его называют «балетмейстером», хотя сама постановка хореографии балетов у него никак не получалась в жизни, будто у него начисто отсутствовали воображение и способность к творчеству.

В социальной сети Facebook заработала новая лже-страничка балетмейстера театра Мылина, на которой выложены якобы настоящие скриншоты со взломанной почты Артиста. По этическим соображениям и просьбе родных Мылина мы не публикуем изображения фальшивок. Однако интересен тот факт, что весь «компромат» на балетмейстера Мылина выложен от лица некой женщины!

«Я так поняла, что это про Мазепова, письмо подписано им», - именно такая подпись стоит под одним из псевдо-скриншотов с личной почты Мылина. По сообщениям, написанным неизвестной пакостницей, четко прослеживается зависть и обида на жизнь. А по опубликованным фразам становится ясно, что все атаки на Мылина являются настоящей местью.

«Когда совершаешь плохие дела и поступаешь с людьми непорядочно, используя различные приемы для достижения своих личных целей, рано или поздно такими же приемами воспользуются обиженные тобой люди, но уже против тебя», - пишет недоброжелательница.

Заметно, что анонимная ненавистница Мылина весьма тщательно постаралась над созданием липовой страницы. На ней выложены не только фотографии Мылина, но и

специально подобранные цитаты и афоризмы в адрес худрука: «Дай только человеку власть - он насладится ею всласть», «Дураку, назначенному на должность умного, не позавидуешь», «Возведя себя на пьедестал, всегда найдется тот, кто укажет на шаткость фундамента».

И последняя фраза прямо указывает на профессиональную принадлежность сетевой клеветницы. Скорее всего, это небезызвестная сетевая хамка «мадам Огурцова» уже получившая уголовную судимость за свои экстремистские высказывания.

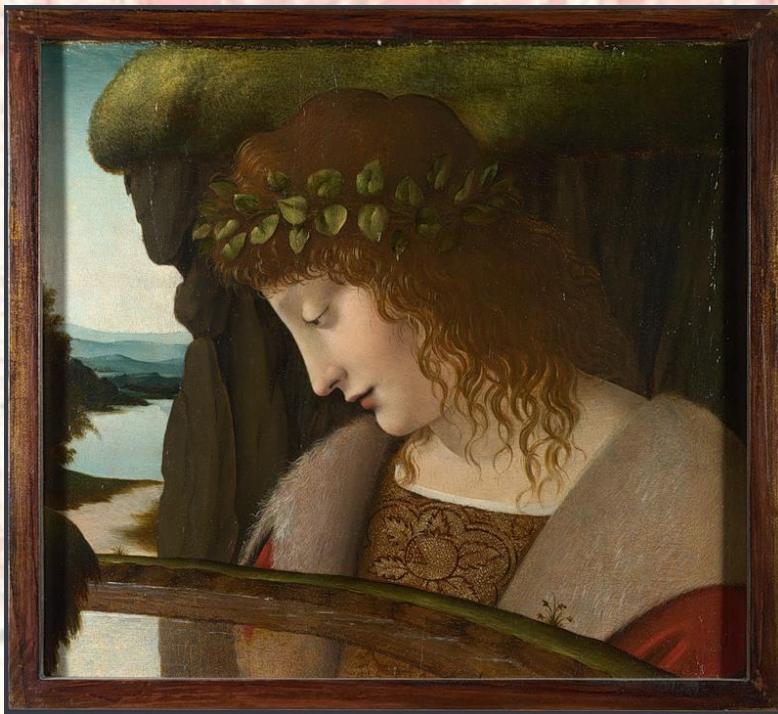
- Это очередной, невероятно подлый поступок против художественного руководства балета театра, - говорит тесть балетмейстера Антон Борисович. - Сообщения хоть и датированы 11 и 12 января, но появилась эта лже-страница именно вчера, когда все балетные артисты театра были задействованы на съемках «Баядерки», над которой так тщательно и вдохновенно работал худрук балета Мылин.

Отметим, что подобная атака на Мылина через соцсети уже была совершена в ноябре. После удаление лже-аккаунта балетмейстера, хакерской атаке подверглась страница его помощницы, ее также пришлось удалить и заново воссоздать.

- Мы уже обратились в головной офис «Фейсбук» и написали официальное заявление с просьбой закрыть эту недостоверную страницу, - продолжает Антон Борисович. - В ближайшее время мы планируем также написать письмо Президенту России. Мы искренне надеемся, что наши криминалисты смогут раскрыть нападения. Ведь Мылин – государственный деятель, и когда подобный кошмар происходит людьми на таких должностях, это оборачивается как оскорбление всей страны.

На данный момент художественный руководитель балета театра продолжает находиться в ожоговом центре больницы. Ему проведены две операции на восстановление зрения и кожи лица.

- Следующая операция назначена на 28 января, - рассказала мать балетмейстера. - Медики запретили посещение сына. Его травмы очень серьезные, и сейчас никак нельзя допустить, чтобы в палату попала инфекция с улицы. Даже Даша, жена сына практически не выходит из больницы.

спасают новыми методами кожный покров на лице, «мадам Огурцова» высказала сомнение в компетенции лечащих врачей, поскольку в аналогичных случаях вначале шли операции по восстановлению зрения.

Он лишь поморщился, отметив про себя, что в каждой публикации о нападении на него упоминался Антон Борисович, повсюду бросавшийся за него на амбразуры, подчеркивая, насколько тяжелые физические страдания он испытывает. Мылина покоробило, что он несколько переигрывает, утверждая, будто кто-то звонит и ему с соболезнованиями по поводу случившегося. Все-таки не стоило Антону Борисовичу использовать этот случай для пиара «Классических традиций» и своего несуществующего «веса» в балетных кругах.

Но, возможно, именно этот прием был вполне оправданным, поскольку после публикации ролика в Интернете и сообщения, что ему

Ее замечание немедленно учел Антон Борисович, поэтому медики сообщили о перенесенных им операциях на глаза, а очередные интервью ему пришлось давать с заклеенными специальным составом глазами.

Некую смену тренда после каждого ехидного замечания «мадам Огурцовой» он чувствовал по тому, как все дальше и на неопределенный срок отодвигалась его выписка из больницы. В СМИ прошли сообщения, что он «перенес первый этап операций», хотя в некоторых интервью специально для Каролины он уже сообщил, что попросил из дома гантели и стремительно восстанавливает физическую форму, готовясь выйти на работу. Теперь он не знал, что ответить своей маленькой девочке, с которой он был вынужден говорить украдкой из пустого холла ожогового центра по вечерам. Заливаясь слезами, она прочла ему очередной опус коварного Антона Борисовича.

Мылину предстоит долгое и непростое лечение и восстановление. Всякий нормальный человек сопротивляется и сочувствует. Особенно непросто в эти дни родным и близким балетмейстера. Его тестя, Антон Борисович, рассказал нашей газете о происшествии и о том, как себя сейчас чувствует себя его дорогой зять.

- Антон Борисович, все наши читатели, вся редакция, по-человечески переживаем за здоровье Мылина. Как он?

- Вы абсолютно правы, - заявил Антон Борисович. - Тех, которые переживают в чисто человеческом плане, подавляющее большинство, и, вы не поверите, тысячи звонков со всех концов земного шара. И на телефон Мылина, и на телефон Даши, моей дочки, и на мой. И все, прежде всего, спрашивают о здоровье, люди готовы дать кровь, кожу, все что угодно, для того, чтобы он пошел на поправку. Предлагают и частные клиники, и частные самолеты, чтобы перевезти его куда угодно. Вот такой отклик. Но есть и куча негодяев, которые в желтой прессе опускаются в это время до того, что хотят какие-то сплетни запускать. Получается, они продолжают плескать кислотой, но уже в душу ему и его близким. Вместо того, чтобы вместе сплотиться и найти этих гадов, которые заказали и осуществили нападение.

Взбешенный Мылин сразу позвонил Антону Борисовичу с требованием объяснений. Теща крутился ужом, но в конце концов выдавил из себя, что выписка его из больницы откладывается на неопределенное время, пока они не договорятся с клиникой в Германии. Но и туда, во избежание возможных кривотолков, Мылину придется отправиться в сопровождении Даши. Ни о каком присутствии Каролины даже под соусом «любимой ученицы» и речи быть не может, так как они сейчас бьют на то, что выплеснутая ему на лицо «неизвестная жидкость» почти лишила его зрения. Поскольку после заявления медиков, будто все процедуры и манипуляции оказали потрясающий эффект, мерзкая блоггерша «мадам Огурцова», как бы вся «на нервах», уже высказала «догадку» в комментариях, будто не только Мылину, но и всему его окружению в лицо плеснули всего лишь святой водой.

По его данным, сочувственное отношение публики к его трагедии начинает снижаться, на передний план новостных лент стали выходить куда более рейтинговые сообщения о новых обысках и миллионных взятках и откатах чиновников из высших слоев общества. А все, что они задумали, возможно осуществить лишь «в накале страстей».

Стоило им повысить давление на Николая, тут же стали появляться и другие тенденциозные заметки об организации менеджмента в театре. А на форумах любителей классического искусства дамочки с «огуречных ресурсов» прямо высказывают сомнения в том, будто директор театра действительно проходил стажировку за границей, а свою диссертацию защитил без «займствований и недоброкачественных цитирований» в свете возникшего скандала о плагиате в диссертациях чиновников высшего звена. И реакция на все эти безответственные заявления уже начала просачиваться... через иностранную прессу.

Директор и худрук балета театра обладают огромной властью: в их руках судьбы

отдельных танцов, они могут способствовать их карьере, давать высокооплачиваемые партии и направлять потоки средств, которые проходят через театр. Правительство приступило к аудиту бюджета театра на 70 млн фунтов, включая президентский грант на 7,5 млн фунтов, который идёт на доплату к основной зарплате танцов. Под угрозой пенсии, а также разные премии, которые выплачиваются исполнителям ведущих партий после каждого спектакля. Правительство заявляет, что следствие планировалось давно и что оно не связано с недавними событиями, но расходы Мылина находятся под пристальным вниманием, и особенно - назначения индивидуальных грантов.

Но пока зацепиться в заявлении самой «мадам Огурцовой» было не за что, как объяснял Антон Борисович, вынужденный, кроме средств массовой информации, вдобавок мониторить виртуальное пространство вместо окончательно съехавшего с катушек Мазепова. Блоггерша явно имела связь с иностранными корреспондентами, работавшими в Москве, которые доверяли ее мнению намного больше, чем всем прочим «информированным источникам».

Стоило в прессе упомянуть о «мадам Огурцовой», все дамочки из числа поклонниц Николая, включая его самого, принялись с видом первых учениц наизусть повторять публикации с ее «огуречных» ресурсов. Масла в огонь подлила одна юзерша, заявив на оперном форуме, что после всего лишь одной статьи этой выскочки – присяжные полностью оправдали старейшего преподавателя фортепиано, обвиненного в педофилии.

Еще в декабре Мылин отметил для себя умную и жесткую защиту премьера от нападок за письмо деятелей культуры с просьбой поставить его директором театра. При обсуждении плана Антона Борисовича он ему заявил, что если не заткнуть «мадам Огурцову» в Интернете, она не даст им довести все задуманное до финала, без которого все это не имеет никакого смысла.

Антон Борисович явно недооценивал блоггершу, назвав ее – «взбесившейся провинциальной климактеричкой». Он был полностью поглощен доказательствами его личной выгоды участия в выполнении своей «операции» в своей приторно-слащавой манере. Мол, думает он исключительно о его благе, о будущем его сыновей и все такое. Но пообещал, что «мадам Огурцова» будет занята исключительно своими личными проблемами, которые он создаст ей через прокуратуру. Когда Мылин потребовал честно ему пояснить, что тот имеет в виду, Антон Борисович рассказал, что к ней применят специально созданное под нее законодательство, имеющее обратную силу, и вынесут ей по иску прокуратуры запрет на профессию под предлогом, что подобные экстремистки не должны оказывать пагубного влияния на подрастающее поколение. Мылин тогда восхитился его безупречной проработкой каждой партии.

«Мадам Огурцова» должна была быть изгнана с работы и связать по рукам и ногам свое окружение обрушившимися на нее неприятностями. В принципе, травля, загодя организованная ей Антоном Борисовичем, должна была и ее саму настроить на «оптимистический» лад, чтобы как можно скорее расстаться с жизнью.

Перед иском прокуратуры ей заблокировали банковскую карточку, объяснив, что осуждение ее на штраф в двадцать тысяч рублей – автоматически означает причисление к опасным международным террористам и неопровергимо доказывает ее неукротимое уголовное желание получать денежные средства преступным путем. Антон Борисович намекнул, что против «мадам Огурцовой» начал работу еще старый советский отдел, где были собраны лучшие специалисты по гипнозу на расстоянии. В задачу этого отдела входило гипертрофировать в ее сознании восприятие всех несчастий, чтобы окончательно уничтожить в ней само желание жить. Поэтому о ней можно вообще не волноваться, у нее сразу после Нового года будет последний суд, который окончательно лишит ее возможности заработка, что в провинции равнозначно смертному приговору.

Однако за все время Мылин не увидел, чтобы характер публикаций «огуречных» ресурсов хоть как-то изменился бы... в оборонительную сторону. Блоггерша из последних сил делала вид, будто ничего из ряда вон выходящего с ней не происходит.

Напротив, в блоге начал проявляться странный уклон в античную мифологию, от которого возникало стойкое впечатление, будто «мадам Огурцова» в своей отвратительной ернической манере сообщает гораздо меньше того, что знает наверняка. Это неминуемо породило и общий интерес к античным мифам, которые все начали толковать по своему усмотрению. И это почему-то очень не нравилось самому Мылину, каждый раз вызывая в нем внутренний холодок.

позволявший всем смертным осмыслить происходящее и самим вынести собственное суждение. Поднятые вверх весы у Немезиды означали призыв к эриниям, нечто вроде объявления войны.

Еще тогда Мылин ощущал для себя некие изменения вокруг, прежде всего, в людях. Он вспоминал себя, всегда испытывавшего непреодолимый барьер в восприятии «человека при должности» - как обычного смертного. Но вдруг сам почувствовал, что на первый план начинают выходить действия самого чиновника, его деловые и человеческие качества. А в СМИ, будто поневоле и через силу, будто кто-то за них давно написал все эти статьи, которые они намеренно не публиковали, стараясь, если не остановить, то хотя удержать время, - все

Он несколько раз перечитал ее статью «Стрелка с Немезидой», но вряд ли смог бы объяснить и себе самому, чем, собственно, его зацепила эта статья. В ней «мадам Огурцова» доказывала, что установленные в судах и прокуратурах образы женщины без повязки на глазах, с карающим мечом, вынутым из ножен, ставшие олицетворением нынешней карательной системы правосудия, - никакого отношения не имеют к прообразу этих фигур, античной богине правосудия Фемиде. Сняв повязку с глаз Фемиды, которая должна была при осуществлении правосудия помешать разглядеть имущественную или сословную принадлежность подсудимых, правоохранительные органы на самом деле призвали другую богиню правосудия – Немезиду. А в ее ведение поступали не только те, кто ушел от справедливого суда Фемиды, но и те, кто помог им это сделать. Если Фемида всегда держала весы над головой, то у Немезиды весы, как символ правосудия, были привязаны к поясу. Это означало, что справедливость все равно будет восстановлена, пусть и с некоторой оттяжкой во времени.

«Мадам Огурцова» издевалась над непросвещёнными российскими правоохранителями, заставившими Немезиду поднять весы над головой так, как это делала Фемида. Она говорила, что снятые Немезидой с пояса весы означают даже не божественное возмездие, а немедленную расправу вместе с ночными богинями мести эриниями. Этим жестом, как объясняла она, уничтожался временной промежуток,

чаще начинали вспоминать об ответственности любого руководителя перед обществом, причем, в лексике ненавистной блоггерши.

Пока он лежал в больнице, в одной из газет было опубликовано интервью с молодым солистом балета, который ушел из театра по собственному желанию еще до Нового года. Но язык у него развязался только сейчас, когда любая подобная публикация могла сорвать намеченную операцию.

Молодой перспективный танцовщик уволился из театра во время пятого сезона работы. По его словам, артисты получали "копейки".

«Есть оклад и есть награда, постоянная и переменная. Оклад смешон – 4-5 тысяч рублей, в зависимости от разряда, плюс "постоянный" грант и плюс переменный грант – деньги, которыми руководство распоряжается по своему усмотрению. Его могут не дать, и это будет абсолютно нормально. Всего я получал 30–40 тысяч рублей, отработав четыре сезона. Копейки. В начале пятого сезона уволился. Мылин предлагал мне и зарплату повысить, и ролями одарить. Ну, чуть больше были бы копейки. Зачем мне это? Я случайно выяснил, что наши уборщицы на Новый год получают премии больше, чем я. Это уж не говоря о нашей бухгалтерии, которая артистов за людей не считает».

Но самой главной причиной увольнения стала усталость, говорит солист: «Мы играли до 30 спектаклей в месяц. Астрономическая цифра. Мылин кричал на репетициях. Ему не нравилось, что кто-то проходит не в полную силу. Хотя уже, например, месяц артисты с утра до вечера танцуют, устали. И однажды Мылин начал орать: «Думаете, вас заменить нельзя?» Разными словами нас называл при девочках, девчонок унижал. Тогда наш солист Саша Игнатенко попросил вежливого обращения: «Что происходит, нельзя к артистам относиться по-человечески?»

Солист не скрывал своей солидарности с известным премьером Николаем, поставившим вопрос о том, что после реконструкции театр окончательно стал непригоден к художественному творчеству: «Пройдитесь по театру – он напоминает бытовки!».

Он не скрывает, что был одним из немногих, кто ходил на танцевальный класс к Николаю, это осуждалось администрацией театра и считалось "оппозиционным" шагом в отношении его руководства.

Известно, что прославленный премьер театра стал одним из главных обличителей его реконструкции. Правда, ужаснулся не он один: в блогах в 2011 году появились фотографии свежеободранной новой позолоты. Оперные певцы говорили об изменившейся акустике. Реставрацию критиковала и театральный режиссер, известная в мире оперной музыки Наина.

Напомним, сроки сдачи театра переносились (сначала планировалось закончить реконструкцию в 2008-м), Счетная палата нашла отдельные нарушения и даже сообщалось о попытке возбудить уголовное дело за превышение сметы в 16 раз подрядчиком (о дальнейшем расследовании ничего неизвестно). В 2011-м реконструкция была закончена.

«Отвратительным пластмассовым новоделом» назвал в разговоре с корреспондентами театр известный композитор, автор статьи "Этот театр – надгробие русской культуры". «Мои коллеги, музыканты из оркестра, которые вышли на пенсию после реконструкции, предпочитают туда больше не заходить».

Он даже испугался, вдруг услышав во всех этих публикациях нескончаемую канонаду, будто кто-то с боями прорывался к взятыму в непроницаемое кольцо Николаю. Мылин наконец осознал, насколько своевременно Антон Борисович предложил ему пойти на инсценировку нападения. Пока эти критические высказывания воспринимались попыткой сместь акценты и уйти от ответственности за совершенное против него преступление. Но он чувствовал, как время не просто стремительно уходит, а начинает работать против него.

«Все должно было закончиться в январе! Все должно закончиться с ним в январе! Потом время начнет работу против нас!» - звучал внутри него чей-то голос. Но в январе так ничего и не закончилось, хотя Антон Борисович при первом посещении сказал, что через десять дней, самое большое через две недели все будет кончено.

Мылину и самому было немного страшно, когда он просматривал в смартфоне публикации о милом друге Николае, валом валившие сразу после нападения. Он уже тайком дважды позвонил Каролине, сообщив, что скоро выписывается. Каролина постоянно расстраивалась после очередных телевизионных репортажей, где журналисты рассказывали, какая крепкая дружная семья у него с Дашей, как он любит сыновей и постоянно «возится с ними», Правда, ни одной фотографии их совместных игр в дружной семье не нашлось.

Вот наступил конец января, и он, скрепя сердце, перезвонил терявшей надежду Каролине и битый час путанно ей объяснял, что в свете изменившихся обстоятельств он не только не может сейчас выписаться из больницы и вернуться к ней, но и согласился на лечение за границей. Но она при этом не должна расстраиваться, он сумеет обеспечить ей первые партии и карьерный рост, потому что на их отношениях это «практически никак не скажется».

- Антон Борисович, - сказал он, перезвонив тестю, - я согласен на лечение в Германии, но надо постараться сделать все, чтобы намеченная нами партия была исполнена до моего отъезда. Тянуть больше нельзя, вы же сами понимаете!

- Нельзя, - вздохнула телефонная трубка. - Я постараюсь сейчас усилить давление на Николая, дать несколько интервью, в которых призову этих отвратительных злоумышленников сдаться правоохранительным органам. Намекну, что стоящие за всем ужасным преступлением люди, осуществившие месть в отношении тебя, не оставят свидетелей в живых.

- Вот про месть вы поминайте, как можно меньше, - желчно заметил Мылин. - В «огуречном» блоге вычитал, будто в этом случае мы обращаемся к Немезиде.

- Ну так и что? - удивился Антон Борисович. - Подумаешь! Немезида в наше время стала фикцией, обычной аллегорией. Мне кажется, сейчас вполне подходящий момент! Со слов этой блоггерши Николай начал повсюду заявлять, будто он - и есть олицетворение театра, муга какая-то театральная, а директор у него - Аполлон.

- Мне это крайне не нравится, - понизив голос, сказал Мылин, мимо которого прошли две молоденькие медсестры, с любопытством посмотревшие на него. Стоило им зайти за угол, Мылин услышал их заливистый хохот.

- Понимаю я все, не волнуйся! - заверил его Антон Борисович. - Прямо сейчас сделаю заявление, а через дня два... осуществим все запланированное.

- Очень надеюсь на вас! - прошипел Мылин почти с ненавистью. - Вы тянете, а за моей спиной медперсонал смеется! Пока еще не в лицо!

- А поэтому надо перебраться в Германию, ослепнуть там для приличия и всыпать этому персоналу по первое число, - невозмутимо ответил Антон Борисович. - А то слишком мы их разреклинировали с их методиками, и никого, кроме тебя, им еще новой кожей снабдить не удалось. Сваливать надо отсюда!

***

- Вы видели запись интервью с Мылиным в больнице? – спросила Каллиопа подруг. – Если кто запамятовал, так я напомню, что моя матушка была челюстно-лицевым хирургом. Отеки после пластики она называла "бильярдными шарами", еще она разрабатывала с коллегами жидкость для "искусственного ожога" – тоже разновидность пластики. И у него на лице именно такого рода отеки, будто он лег в больницу для омолаживающих процедур. При этом на камеру говорит текст из передач про химические ожоги, полученные несчастными женщинами, на которых смотреть страшно. Чем дальше, тем эта история кажется мне отвратительнее из-за какого-то сказочного вранья. Будто сказка о голом короле вывернута наизнанку!

- Конечно! Нас просят поверить, будто абсолютно здоровый человек – подвергся нападению злоумышленников, плеснувших ему в лицо концентрированную серную кислоту, – поддержала ее мысль Эвтерпа. – И при этом люди, которые такое утверждают, не знают химию в пределах средней школы. Во всех репортажах говорится, что его спасло то, что он смывал кислоту мокрым снегом. А те, кто учил химию, знают, что при разбавлении серной кислоты водой начинается бурная реакция.

- Мылин утверждает, что на нем был капюшон, а жидкость ему плеснули снизу вверх, – вступила Клио. – После того, как я по поручению Каллиопы просмотрела все эти ролики с несчастными женщинами, пострадавшим от химического ожога, сразу поняла, что у Мылина нет характерных поражений линий губ и крыльев носа.

- Я тоже просматривала эти программы, – призналась Урания. – Там женщины, пережившие этот ужас, не могли говорить спокойно, филировать звук, от ядовитых паров повреждаются и голосовые связки. И даже когда у них выполнена шлифовка лица, при ярком освещении видно, что кожа не везде ровная, заметны участки пересадки. А худрук балета будто вещает хорошо вызубренную роль, практически сразу приступив к подробным показаниям «ничего не видел, но чувствую сердцем». И сколько подобных спектаклей мы видели?..

- Хотела отметить даже не «визуальный эффект», когда не веришь собственным глазам, а ищешь доводы в пользу того, что тебе лгут за кадром, – сказала Эвтерпа. – Психологическое состояние женщин, подвергшихся нападению с плесканием кислотой в лицо, достаточно тяжелое, никто из них не может без содрогания вспоминать момент своей... казни. Мы же знаем, что женщины вовсе не подвержены страху, «переживаниям» и т.п. «Эмоциям», нежели мужчины. Если бы это было так, никто бы из дам не решился на второго ребенка. Но все женщины пережили шок, испытав ужас беспомощности перед своим... палачом.

- Да, все это так! – подтвердила Урания. – В ролике с Мылиным можно услышать много знакомых «мотивов» с чисто женскими интонациями на тему. Такое впечатление, что он предварительно неоднократно штудировал выступления этих несчастных дам. При этом сидит с нетронутым лицом и ему ни капли не стыдно! Но реальность такова, что и за рубежом лишь после многочисленных пластических операций можно восстановить... линию губ, которая первой повреждается при химическом ожоге.

- И все же главное – сам вид зажмурившегося героя с нисколько нетронутыми волосяными луковицами, целыми ресницами и ничуть не задетыми бровями, – отметила Каллиопа. – Если в результате химического ожога есть опасность потерять зрение, вначале проводятся операции по восстановлению зрения, иначе в ходе лечения и восстановления кожного покрова его можно окончательно утратить. Здесь все делается наоборот! Руки не забинтованы, а там ногти растворяются, если бы он смывал снегом серную кислоту. Нет ни одного следа на коже вокруг глаз, который появляется из-за того, что жертва успевает инстинктивно зажмуриться. Так и хочется поблагодарить замечательного артиста за хорошо сыгранный спектакль... который все же оставил достаточно неприятный осадок сам по себе. Словно всех женщин искалечили специально, чтобы по их горьким рассказам сейчас этот здоровый мужик изображал из себя «жертву преступного нападения». Значит, у них брали интервью, заставляя еще раз пережить весь этот ужас, не для нравственного переосмысления запредельной жестокости в отношении женщин, а для большей достоверности инсценировки.

- Меня поразило, что на женщин с кислотой нападали вполне «уважаемые члены общества» – прокурор, спикер городской Думы, крупный бизнесмен... В основном, нападали по каким-то

бытовым проблемам, - пробормотала Эвтерпа. - Как правило, нападавшие хотели улучшить свои жилищные условия. Да и последствия нападений, как говорится, «налицо». Там и сомневаться не приходится, «что это было?».

- Неудивительно, что и в Интернете многие испытывают острое недоверие к происходящему, - отметила Клио. - Ведь ролик о нападении появился... как-то подозрительно быстро, возможно, даже чуточку раньше самого нападения. Очень странное заявление самого Мылина, будто в больнице его уже снимал человек, который «первым нарушил закон». Даю ссылки на все сообщения!

Худрук балетной труппы театра Мылин пожаловался, что первые видеосъемки после нападения были сделаны незаконно человеком, представившимся полицейским.

«Вы видели гулявшие потом по Интернету и телеканалам кадры видеосъемки, сделанные в приемном отделении больницы, куда меня доставили после нападения? Еще одна сторона нашего общества. Снимал человек, назвавшийся полицейским. Медики не могли не пропустить показавшего удостоверение сотрудника правоохранительных органов», — рассказал Мылин в интервью.

По его словам, этот человек попросил всех выйти из палаты, объяснив, что обязан взять дополнительные показания, якобы очень важные для следствия. «Я был забинтован и ничего не видел. Человек задавал какие-то вопросы, а сам из-под полы вел съемку. Уж не знаю, на мобильный телефон или на камеру. Вероятно, в этом и заключалась истинная цель прихода. Можно долго рассуждать о морали, но сухой остаток таков: правоохранитель или тот, кто им представился, первым нарушил закон, без ведома вторгшись в мою личную жизнь», — подчеркнул худрук.

- Я кажется, догадываюсь, кто это мог быть, - сказала Каллиопа. – Помните, я говорила о психологических наездах на меня? Я там выделила отпечаток личности такого старика.. незаметного. И было несколько картинок... в том числе, как молодой человек с перебинтованным лицом говорит ему: «Хорошо, я еще раз это повторю, а вы мои показания зафиксируйте!» Мне тогда показалось странным, что старик будто перестал на меня давить...

- Может, он как-то сам начал стыдиться травли женщин? - высказалась предположение Клио. – Этот ролик сыграл большую роль в восприятии этого нападения. Кампания по шельмованию премьера Николая после этого ролика явно захлебывается. Мало было поглядеть на забинтованное лицо Мылина сразу же при поступлении в больницу. Но само его заявление о человеке, который его снимал, говорит о многом.

- Да, он говорит, что тот, кто снимал, «первым нарушил закон», - заметила Урания. – Будто соревнуется со снимавшим в том, кто же из них больше нарушил законов.

- И при этом Мылин считает пребывание больнице с тайным или явным химическим ожогом – своей «личной жизнью», не забывая тут же давать показания на своих коллег и подчиненных, нисколько не заботясь о том, насколько правоохранительные органы вторгнутся в их личную жизнь, - съязвила Эвтерпа.

- Мне со стариком этим приходят весьма болезненные размышления, - призналась Каллиопа. – Понимаете, все, кто на меня наезжал, проецируя свои мысли, люди довольно молодые, по сравнению с ним. За каждым можно было выделить какие-то его личные желания, как-то воздействовать через них. Ну, чтобы отстали. А у него не было никаких желаний вообще. Он был самым страшным. Потом вдруг где-то после Нового года начал меняться... Или перед самым Новым годом? Короче от него шла его собственная тоска, как пиликанье на одной ноте. А я все время твердила про счастливый конец! От него закрыться было невозможно, поэтому я честно говорила, что мне нужен счастливый конец! И вдруг мне на днях пришло такое шизофреническое видение... звон стекла, ветер и одна мысль – «Счастливый конец!»

- Они его убили! – выдохнула Эвтерпа.

- Да, девочки, - ответила Каллиопа. – Поэтому прямо о том, что никакого нападения на Мылина не было, пока не говорим. Надо выбивать аргумент за аргументом...

- Ты не договорила! – откликнулась Урания. – Там было что-то еще!
- Даже не знаю, как сказать, - тихо ответила Каллиопа. – Но вы ведь и сами понимаете, что темный случай удивительно нежного химического ожога Мылина – продолжение старой, хорошо отработанной травли премьера балета Николая. Так вот я увидела дикую картину... Будто в какой-то квартире лежат три трупа... в ванной с перерезанными венами... сами понимаете кто. Там еще какая-то записка кровью на зеркале в ванной.... Мол, наш премьер признается в зверском нападении на Мылина.
- А мне кажется, что кровью на зеркале, как-то подчеркнуто пафосно, - вставила Эвтерпа с плохо скрываемым страхом.
- Зато записку невозможно представить на почерковедческую экспертизу, - заметила Урания.
- Я тут подумала, а почему Эвриале не может нам помочь? – задалась риторическим вопросом Клио.
- А что она понимает в современном законодательстве? Оно ведь все дальше уходит от понятия справедливости, - ответила ей Каллиопа. - Изначально закон должен был защищать права самого беззащитного, то есть одного – перед группой людей, обладающих по совокупности намного большими правами и возможностями. В моем случае все было понятно, но травили меня, а не тех, кто считает возможным качать какие-то «национальные права». Национальность не относится к категории человеческого достоинства, душа тоже не имеет национальности...
- Но здесь же явная несправедливость! – перебила ее Эвтерпа.
- Конечно! Но искусство – и есть справедливость, - сказала Каллиопа. - Как ни жестоко звучит, но мое уголовное дело – это сигнал к тому, чтобы воспринимать несправедливость, как отрицание силы искусства. А все помнят, что с такими вещами весьма опасно мириться.
- Погоди, ты хорошо подумала? – спросила Урания, уже понимая, что она хочет делать.
- Да! Выстраиваем круг! Мы спасем их не ради себя! Мы уже нашли друг друга!
- Мы обрели веру в себя! – пропищала Эвтерпа. – Я готова! Я всегда самая первая свечу зажигаю!
- Блин, иногда готова последнюю веру потерять, когда такое рядом попискивает, - ругнулась Клио, чиркая спичками. – Подождите меня! У меня опять спички ломаются!
- А ты успокойся и спокойно зажги, - посоветовала ей Эвтерпа. – Представь, что у тебя последняя во всем мире спичка.

- Заткнись! – заорали три музы хором.
- Вообще-то это я вам посоветовала искать младших сестер, - напомнила всем Эвтерпа. – А то писали бы сейчас свои обличительные статейки про Оборонсервис, бюджетный распил и жилищно-коммунальное хозяйство. А вы должны вернуть веру и надежду!
- Свечи у всех горели? – спросила Каллиопа. Услышав утвердительные ответы Урании и Клио, она сказала: «Тогда последние слова Эвтерпы являются вещими! Итак, соединяем круг, чтобы вернуть людям веру и надежду... в справедливость!
- Какие бы перепалки не случались между дамами, каждая уже не могла без этого круга, когда от слов, доносившихся через динамики, начинала стучать кровь в висках и покалывать в кончиках пальцев.
- За долгие годы, пока они наблюдали, как другие люди, попирая все представления о справедливости, воплощали украденные у них мечты, обращая все вокруг себя в прах и тлен, они исключительно на почве здравых размышлений давно отошли от твердой уверенности в справедливом устройстве бытия. Но мир вокруг был прекрасен, а в душе каждого хранились такие несметные сокровища, что стоило попытаться, чтобы пробить сковывающий их лед.
- Появился синий отблеск! У меня свечка горит синим, как газовая плита! Круг замкнулся! – радостно закричала Эвтерпа, до сих пор обостренно воспринимавшая маленькие особенности их совместных попыток повлиять на ход событий.
- Круг замкнулся, - подтвердила Каллиопа. – Мы хотим освободить творческие силы искусства, чтобы вернуть каждому веру в справедливость!
- Да, силами искусства, а не сообщения об обысках и арестах от Следственного Комитета! – с неожиданной для нее страстью произнесла Урания. - Пусть не пиарятся, а работают! И понимают, что все эти преступления произошли при их соучастии, при их преступном бездействии! А справедливость восстанавливается не правоохранительными органами, предавшими свое назначение, решивших увековечить в искусстве лишь себя, как источник справедливости. Этот источник – в душе каждого человека. Поэтому я хочу, чтобы люди вернулись к нормальным героям в искусстве, надолго отвернувшись от тех, кто пользовался их бесправием и попирал справедливость.
- Искусство – всегда о справедливости, иначе оно вообще не имеет смысла, - подхватила Клио. - Искусство вносит баланс в нашу жизнь, где объективная справедливость – не совпадает с личным представлением о справедливости безнравственных типов, потерявших берега. Навязывание представлений таких людей о справедливости может привести к совершенно диким чудовищным последствиям...
- Как поджог Манежа, уничтожение исторического здания театра или травля прославленных солистов балета, - вставила Эвтерпа, воспользовавшись заминкой Клио.
- Верно! – подтвердила Каллиопа, - В жизни нам не всегда видна эта обычна на все времена «идея искусства» – о противостоянии Добра и Зла. Только в искусстве наш нравственный выбор свободен от каких-либо житейских обстоятельств.
- Искусство помогает отрешиться от суетности, вернуться к собственным духовным истокам, к своему предназначению, - продолжила Урания. - Нельзя ограничивать себя «каждый сверчок – знай свой шесток!» Надо понимать, что в душе каждого человека скрыты бесценные Дары всему человечеству!
- Пусть не все могут создать произведение искусства, но каждый может его оценить, завершить создание художественного образа в эстетической триаде, подарив веру в справедливость и самому его творцу! – рассудительно заметила Клио.
- Вера в справедливость, надежда на лучшее – это самое большое чудо, которое может создать любой! – тихо сказала Урания.
- Эти два прекрасных порыва души дарят свет, уничтожают мрак и отвращают многие души от разложения зла, - откликнулась Каллиопа.
- Пусть все дурные помыслы, призванные лишить людей надежды на справедливость, обратятся в прах, лишат тех, кто их вынашивает, малейшей радости жизни, - прошептала Эвтерпа.

Огоньки свечей вздрогнули, стали гореть ярче, будто фитильки просто не могли разгореться, а как только круг начал распадаться, так пламя вырвалось наружу.

* * *

И накануне намеченного апофеоза всей этой операции, когда соседи должны были застать прославленного премьера театра Николая в непотребном виде с перерезанными венами и запиской кровью на зеркале в ванной «Простите меня! Все произошло по причине моих непомерных амбиций...», на «огуречном ресурсе» вышел ролик каких-то потрепанных жизнью баб, от какого-то идиотского «Литературного обозрения», которое Мылин назвал про себя «оборзением».

В дупель оборзевшие обозревательницы возмущались, насколько гадко администрация театра подает в этой трагедии артистов балета, как некрасиво относится к публике. Они цинично высмеяли доводы Антона Борисовича, будто какие-то «хакеры» настолько «фанатеют» от русского классического балета, что «готовы на все». Они заявили, что это показывает, как все представители пресс-служб театра на самом деле относятся к балету, очевидно считая, что «подобное может нравиться одним лохам».

Сама «мадам Огурцова» с легкостью разбила жесткие аргументы Антона Борисовича по поводу письма в поддержку кандидатуры Николая на пост директора театра. Она заметила, что подобные письма пишутся тогда, когда человека хотят защитить от травли, но на самом деле у него нет никаких шансов получить даже должность Мылина нормальным путем, не говоря уж о недосягаемой для Николая должности директора театра. Подобные письма – жест отчаяния, просьба оставить в покое. Однако когда это письмо написано и обнародовано, то обозначенная в нем фигура станет организовывать подобные «кислотные атаки» в последнюю очередь. Логика этих двух поступков (написать открытое письмо и подготовить нападение неизвестных лиц с кислотой) – взаимоисключающая. Человек, способный на один из этих поступков, никогда не совершил другой.

После этого дамочки трагическим тоном пожелала Мылину скорее стать таким же красавцем, как раньше, заметив, что логика освещения этих событий как раз полностью соответствует логике совершенного против Мылина преступления. Ведь как некие уголовные типы задумали испортить его прекрасное лицо, облив кислотой, зная, что лицо – важнейший фактор артистической харизмы, - в точности так же сейчас огульным шельмованием пытаются уничтожить лицо Николая, выливая на него немеряное количество помоев.

- Складывается впечатление, будто этот трагический случай, ложащийся грязным пятном на репутацию театра, освещают те же самые люди, кто организовал нападение на прекрасного руководителя балетной труппы, - завила эта наглая баба с деланным сочувствием. – По крайней мере, из публикаций СМИ видно, что люди, дающие интервью, подозрительно много знают о преступлении. Но наши правоохранительные органы отчего-то допрашивают тех, кто понятия о нем не имеет. Что само по себе подозрительно.

Позвонить и предупредить Антона Борисовича об очередном заявлении блоггерши Мылин не успел. Читая обращение тестя к тем, кто совершил нападение, он почувствовал, как из-под ног уходит тщательно подготовленная почва.

Тестя главного балетмейстера театра Мылина также заявил, что знает, кто стоит за жестоким преступлением, и предложил напавшим на его зятя добровольно сдаться в полицию. По его мнению, заказчики преступления не оставят исполнителей в живых.

- Думаю, исполнителям этого жуткого преступления нужно сегодня же явиться с повинной в полицию и признаться в содеянном. Их жизни реально угрожает опасность, поскольку за этим стоят очень серьезные заказчики... Они не оставят свидетелей, — обратился к преступникам через прессу Антон Борисович. - Мы, члены семьи, знаем, кто за этим стоит. Это люди, которые хотели или сместили моего зятя с должности или

сделать его подконтрольной фигурой. К сожалению, в театре сейчас творится беспредел из-за раздела власти. При таком давлении непомерных амбиций некоторых артистов администрация театра иногда проявляла беспомощность.

По его подсчетам, какие-то «люди», о которых неохотно намекал Антон Борисович, должны были прийти к Николаю не позднее, чем через трое суток после его заявления. Но, открыв поисковики, он опять увидел на первых местах по популярности «огуречные ресурсы» с новыми статьями. В них предлагалось для раскрытия этого зловещего преступления - допросить с применением детектора лжи не премьера балета Николая, который ничего не знал о нападении на Мылина и имеет алиби на момент его совершения, а Антона Борисовича, прямо заявляющего, что отлично знает заказчиков этого вандального случая в истории театра.

Мылин позвонил Никифоровой и попросил ее под страхом немедленного увольнения запретить общение с прессой и в социальных сетях всем членам балетной труппы, в первую очередь, их преподобному Коле.

- Хорошо, - немедленно согласилась Никифорова. – Так и заявим на репетиции! А то нас тут уже начали прямо обвинять в подрывании репутации театра. А мы заявим в этой связи, что никто без участия пресс-службы не имеет права комментировать ситуацию в театре. Выздоровливай!

Но стоило ему нажать отбой, как в почту пришло сообщение о том, что Николай дал согласие на участие в пресс-конференции иностранных журналистов, явно устроенной с подачи «мадам Огурцовой». Несмотря на однозначный отказ Никифоровой от пресс-конференции, премьер согласился рассказать о своих допросах и мытарствах, поскольку «мадам Огурцова» высказала предположение, что после заявления тестя потерпевшего с ним могут расправиться, инсценировав самоубийство.

При этом она добавила несколько ссылок, когда правоохранительные органы признали самоубийством, когда человек вначале «неудачно» застрелился, а потом повесился в гостиничном номере Ростова-на-Дону. Причем следователи высказали, будто сделал это человек из-за «финансовых затруднений», хотя принадлежал к высокооплачиваемому судейскому сообществу.

А второй случай суицида, не менее шокирующий, чем первый, произошел на Западе столицы, где самоубийца также в гостиничном номере сумел связать себе ноги, заковаться в наручники, надеть на голову пластиковый пакет и перерезать вены. При этом, этом он умудрился нанести себе следы от побоев, а перед тем, как перерезать вены, безуспешно пытался сам себя задушить. Наглые рассуждения блоггерши о странном, с ее точки зрения, скачке в статистике столь «нетрадиционных» самоубийств, вдохновляющие подействовали на Николая. На устроенной пресс-конференции иностранным журналистам он первым делом заявил собравшимся, что никаких суицидальных намерений не имеет, а наоборот полон любви к жизни и неиссякаемой веры в справедливость.

Мылин видел, что Никифорова все же сделала, что могла в освещении прошедшей конференции в русских изданиях. Однако общий ее настрой и сам факт привлечения внимания зарубежной прессы ему не понравился, вызвав какое-то неприятное чувство под ложечкой.

В первые дни после нападения на Мылина, когда появились сообщения о том, что его изуродовали, а возможно и оставили без зрения, пошли слухи, что это дело рук кого-то внутри театра. Все стрелки неминуемо сводились к личности Николая, опытного танцора, который уже давно критикует администрацию, и чьи ученики, по его утверждению, не получают возможности блеснуть талантом, хотя они этого достойны. Поэтому сразу было высказано предположение, что нападение - это более широкий заговор, который связан с финансовыми решениями Мылина. Ведь Николай, которому сейчас 39, давно уже не солист в расцвете сил, и он ограничен характерными ролями. Он любил выступать в Щелкунчике в канун Нового года. И даже неоднократно хвастался в печати: «Официальная цена билета – полторы тыс. долларов, а директор говорит, что я не умею танцевать». Потом он пригрозил судом театру за отказ заключить с ним договор на педагогическую работу - за то, что он постоянно высказывал своё мнение. О нападении на Мылина он высказался еще более категорично: «А что Вы ожидали? Это же банда!»

*Многие поклонники танцора вдохновлены его заявлением, сделанным корреспонденту *Le Figaro*: «Театр – это я!», в котором он отделяет от высокого искусства администрацию театра. Но в самом театре мнения по этому поводу разделились. Несложно заметить, что Николай – на стороне старой гвардии, т.е. тех танцоров, которые привязаны к традиционным постановкам русского репертуара, а в противовес им – сторонники инновационных постановок, типа нового прочтения опер постановщиком Грязниковым и «облегченных» балетов Мылина, которые могут исполнять и начинающие артисты. Конфликты между консерваторами и сторонниками прогресса, между танцорами и администрацией - витают вокруг того, что ставится, как это репетируется, кому достаётся партия и сколько за это платят.*

* * *

- Кажется, а наши статьи и комментарии попали в точку! – с удовлетворением отметила Каллиопа. – Момент, когда им можно было выполнить задуманное в отношении нашей Мельпомены – упущен. Время поменялось, мы немного его подтолкнули.
- А вы заметили, какая неадекватная реакция администрации театра на его интервью зарубежным корреспондентам? – ехидно вставила шпильку Эвтерпа. – Будто любимую игрушку отняли! А когда сами делали заявления, что Николая надо на детекторе лжи допросить, им это не казалось ударом по имиджу театра.
- Ну, девочки, осталось немножко надавить на нашу Эрато – и история с нападением на Мылина полностью раскрыта! – радостно заявила Клио.
- Мне не нравится, почему молчат правоохранительные органы, - откликнулась Урания.

- А мне нравится, что директор театра оценил по достоинству наши усилия! – рассмеялась Клио.
 - Он заявил, что такой «массированной атаки на театр» еще не было. А кто его атакует-то, кроме нас? Все ему поддакивают и помогают лгать о «нападении»! И только мы ставим вопрос, как может быть директором человек, ничего не смыслящий в опере и балете? Человек, неспособный дать честный ответ обществу, куда пошли средства, выделенные на реконструкцию исторического здания театра, если в результате мы получили новодел, где не учитываются элементарные вещи, чтобы труд наших замечательных артистов был хотя бы безопасным?

- И кто он такой, чтобы олицетворять себя с театром и его историей? – возмутилась Урания. - И разве эта «кислотная атака» – не атака со стороны нынешнего руководства театра на все общество? Ведь половину статей пришлось посвящать нападкам на общество. Они же доказывали, будто у нас это норма! И еще он постоянно бубнит, как Мылина «третировали» задолго до «кислотной атаки».

В заявлении я прошу приобщить к делу те факты, которые оказались вне внимания следствия. — сказал директор театра. — За две недели до этого страшного события произошли довольно странные вещи, такие как кибератака на почту худрука Мылина, создание его лжесайта. Потом этот сайт появился еще раз. С 31 декабря служебный телефон Мылина был блокирован, тем самым он был лишен возможности контактировать с труппой, исполнителями. Он также говорил, что колеса его машины были проколоты. Есть целая цепочка, которая говорит о том, что заказчиком преступления может быть кто-то другой, вне театра. Данные факты нужно учесть следствию.

- Даже интересоваться не стану, как это так был «блокирован телефон», что худрук в Москве не нашел иной возможности «контактировать с труппой», - заявила Эвтерпа. – Чувствуется, очень весело встретил Новый год. А чем он занимался и к чему готовился... тоже нисколько неинтересно после его недавнего заявления о том, как снявший его в больнице «первым нарушил закон», которое игнорировали даже наши славные правоохранительные органы.
 - Здесь надо бы учесть, что он слишком много говорит со своим травмированным лицом, - вставила Урания. – Я бы сказала, проговаривается, как и директор. Они тоже пытаются воздействовать на время! Мы его стараемся протолкнуть вперед, а они – повернуть назад.

Художественный руководитель театра Мылин обвинил танцора труппы Николая в шантаже. Еще во время первого допроса Мылин называл его тем, кто может стоять за покушением на него.

В частности, Мылин тогда заявлял, что Николай шантажировал его записью разговора с балериной Ангелиной Вороновой. Якобы в этом разговоре Мылин предлагал ей сменить педагога, уйти от Николая.

«Николай называл этот разговор компроматом на меня», – объяснил следователю Мылин.

- А еще Николай резал ножиком колеса автомобиля Филина и блокировал его телефон, - захихикала Эвтерпа. - В особенности это замечательно выглядит на фоне не по дням, а по часам расцветающего после «химического ожога» самого Мылина. Причем, делает заявления с характерным отеком, явно прикрывая область, где обычно скрываются швы от круговой подтяжки. Не говоря о чудесно сохранившихся ресничках на глазах, которые пострадали от химического ожога. Просто чудо какое-то для тех, кто верит в подобные «чудеса».

- Ну, я все же выделила бы заявления директора о тех, кто стоит за покушением вне театра, - озабоченно заметила Каллиопа. – Думаю, это кто-то из высокопоставленных поклонников Николая, которые опасны для тех, кто стоял за распиливанием бюджетных потоков на реконструкцию. Поэтому положение нашей Мельпомены до его интервью иностранным

изданиям было крайне незавидным. И я согласна с Уранией, которой не нравится молчание правоохранительных органов. У них явно есть какой-то козырь....

- У них есть запасной исполнитель, - догадалась Эвтерпа. - Это все, как в шахматной партии, я вам сейчас расскажу...

- Не надо! - хором оборвали ее Клио и Урания.

- Когда старик передавал эти последние картины, шел сильный запах мочи, - почти прошептала Каллиопа. - Я думала, что он обмочился... от страха. Ведь это страшно, согласитесь. Но сейчас я думаю, что он пытался передать то ощущение, которое испытывал сам, когда вел съемку в больнице. От Мылина сильно пахло мочой!

- Значит, плескали не кислотой, а мочой! - высказалась ее мысль вслух Клио. - Это значит, что раз мы начали интересоваться этой историей, она начала превращаться в фарс. Не думаю, что в их планы инсценировки входило поливать его мочой сразу. Она же сильно пахнет, кто-то может со временем проговориться...

- У них там что-то пошло не так! - радостно взвизгнула Эвтерпа.

- Но нам от этого не легче, - заметила Каллиопа. - Они сейчас его нарочно увезут в Германию, хотя врачи и он сам - полны оптимизма.

- Что ему делать в Германии? - удивилась Клио.

- Чтобы не проходить экспертизы лично, - объяснила Каллиопа. - И пока он будет лечиться в Германии, они решат, кого же объявить преступником - тех, против кого действительно направлена эта инсценировка, или тех, кто непременно имеется у них в качестве запасного варианта.

- А мне интересно, почему выбрана именно Германия? - спросила Клио. - Почему, к примеру, не Израиль?

- Потому что в Израиле стараются именно вылечить, - ответила ей Эвтерпа. - У них такой бренд при продвижении на рынке медицинских услуг. А Германия стала давно местом для проведения абсолютно ненужных операций. Там даже проходят стажировки многие медики в университетских клиниках. Специально для нас наши физики из блога перевели статью из французской газеты про то, как в Германии сейчас развивается бизнес медицинских операций, которые проводятся, в основном, для подтверждения нанесенного ущерба здоровью. Туда сейчас со всей Европы едут. Такое делается и в других странах, но в Германии это поставлено на поток.

Для немецких врачей пойти на подлог в силу своей выгоды, — совершенно обычное, рядовое дело. Скандалы и возбуждение уголовных дел по поводу проведенных абсолютно ненужных

операций достигли в Германии в последние три года таких размеров, что в феврале этого года даже министр здравоохранения Германии Bahr вынужден был в своем докладе констатировать этот печальный факт. В частности, было отмечено, что в Германии в разы, а то и на порядок большие проводится хирургических вмешательств, чем в других странах Европы, и это было в докладе напрямую связано с тем, что за хирургическое вмешательство врачи получают более чем на порядок большие денег, чем за терапевтическое лечение. Были приведены следующие факты: 1. Операций на коленном суставе в Германии проводится 136 000 в год, в Англии — 13 000, во Франции — 32 000; — стоимость этой операции в Германии от 200 до 800 евро, а стоимость терапевтического лечения на одного пациента в месяц всего 10 евро. 2. Операции на сердце (расширение сосудов катетером): в Германии проводится — 800 000 в год, в Швейцарии — 40 000. Стоимость этой операции в Германии — 500 евро, стоимость терапевтического лечения — 25 евро в месяц на пациента. И вот самый свеженький факт: в мае этого года передано в следственные органы давно тянувшееся дело на врачей Altmark-Klinikum в Gardelegen. После многочисленных жалоб там была проведена независимая медицинская экспертиза 30-ти случайно отобранных историй болезней прооперированных пациентов. Так вот, экспертиза признала, что из 30 проведенных операций — 22 операции (т.е. три из четырех) были не нужны.

* * *

В университетской поликлинике в Германии врачи, возможно из-за языкового барьера, особо не вдавались в подробности его щекотливого положения. В приемном покое принимавшая его сестра попросила снять очки и тут же наложила ему на глаза повязку. Он подумал, что с врачами действует какая-то договоренность, в которую его не посвятили. Он нашел это даже вполне разумным, чувствуя себя с повязкой на глазах более спокойно, вспомнив, как в первый же день к нему в московскую больницу проник какой-то старик, представившись следователем, а после выложивший запись с телефона в Интернет. Все же клиника университетская, мало ли кто мог снять его прибытие на телефон.

- Не волнуйся, все будет хорошо! — сказала ему Даша, прикоснувшись губами к щеке. — Я сейчас отвезу вещи, нам квартиру в городе сняли. Завтра после обхода приду тебя навестить! А сейчас отдохай!

Мылин лишь поморщился, пожимая ей руку, когда она передала его вспотевшую ладонь в сухие и мягкие ладони сестры. Та повела его в палату длинными коридорами, предупредительно ахая над ухом: «Die Aufmerksamkeit! Hier die Stufen! Jetzt wird die Wendung nach links!»

Наконец, оказавшись в палате в полном одиночестве, Мылин поднял руку к глазам и коснулся тонкой шероховатой ткани, под которой слой за слоем лежала вата. Он снял повязку и огляделся. Сразу нельзя было сказать, что это — заграница. Простая комната, кровать удобная. Встроенный шкаф, на внутренней дверце — небольшое зеркало. Еще одна дверь в туалетную комнату с небольшим умывальником, унитазом и корытцем сидячей ванны.

Мылин поймал себя на ощущении, что за время перелета и дороги до этой палаты, напоминавшей ему птичью клетку, притутились все его воспоминания о приезде в лечебницу. С утра он еще успел дать интервью многочисленным журналистам, приехавшим снимать его отъезд в Германию. Именно тогда у него впервые шевельнулось это чувство необратимости, когда он увидел грустное лицо Каролины в толпе «коллег и друзей семьи художественного руководителя балета театра, приехавших проводить его на лечение в немецкую клинику».

В палату зашла полная постовая сестра и, увидев снятую им повязку, мягко, но непреклонно потребовала немедленно надеть ее: «Sofort ziehen Sie die Binde an! Ihnen ist es verboten, die Binde abzunehmen!»

Из сказанного он уловил одно слово «ферботен», вспомнив его по каким-то старым военным фильмам. По этому слову и выражению ее лица Мылин понял, что ему запрещено снимать

повязку, но эта предосторожность объясняется сложившимися обстоятельствами. Мир опять погрузился в темноту, ему показалось, что даже еда, которую принесла нетороплива сиделка, превратившаяся в тень за повязкой, утратила свой вкус.

Утро началось с энергичной суеты в отделении. Пожилой санитар, вкативший в палату какую-то тележку, довольно сносно его побрил, помог почистить зубы, тщательно обтер лицо ватными тампонами на пинцете. От прикосновения холодной стали пинцета к лицу Мылин невольно морщился и вздрагивал.

Потом пришли врачи с ассистентами, о чем-то негромко говоря между собой. Мылин напрягся, понимая, что они обсуждают его. Дверь опять хлопнула, послышались уверенные энергичные шаги. Шепот немедленно затих, и вошедший громко произнес несколько рубленых отрывистых фраз по-немецки, отчего Мылину внезапно стало страшно. На нем была полосатая больничная пижама, немного похожая на одежду узника концлагеря из фильмов которые он видел. Из речи профессора Мылин уловил только одно знакомое слово «Маскаву»: «Es ist unser der Patientin aus Moskau! Er sieht nichts! Er ist infolge der chemischen Brandwunde erblindet! Wir werden Transplantation machen! Man muss den Kranken auf die Operation eilig vorbereiten!»

Один из ассистентов на сносном русском пояснил ему, что консилиум во главе с профессором решил назначить первую операцию на завтра. Распоряжения об операции уже отдавались медсестрам, которые немедленно принимали их к исполнению.

Сразу после ухода врачей из палаты Мылин почувствовал, как теплая женская ладошка ловко подхватила его за средний палец правой руки и тут же причинила ему неожиданную резкую боль. Они понял, что лаборантка взяла у него кровь на анализ из пальца. Затем у него при открытых дверях какая-то женщина катетером взяла на анализ мочу, причинив стыд и массу неприятных физических ощущений, рывком сняв с него одеяло и пижамные шаровары, громко отвечая уборщице, протирающей пол в коридоре.

Другая медсестра принесла ему какие-то таблетки. Подав ему пластиковый стаканчик с водой в одну руку, она с вежливым смешком положила ему в рот какие-то таблетки, терпеливо дожидаясь, пока он примет таблетки при ней, настойчиво подсовывая его руку с водой к его рту. У него на губах долго оставался вкус талька с ее одноразовых перчаток.

За ней пришла другая сестра и помогла перевернуться на бок, оттянув пижаму, она ему поставила укол. Лежать стало не так приятно, как раньше, а в коридоре послышался звук катившейся стойки капельницы. К его удивлению дверь отворилась, капельницу вкатили именно к нему. Не успел он подумать, что с капельницей получился уже явный перебор, как новая медсестра начала деловито искать вены на запястье.

Мылин не знал немецкого, а ассистент, говоривший на русском языке, вышел со всеми и больше

не появлялся. Но он был уверен, что немецкие врачи выполняют все назначения, о которых он договаривался с Антоном Борисовичем еще в Москве, решив еще раз напомнить Даще, что о такой интенсивной терапии договоренности не было. Ладно, если они все нужное колют, а если нет?

Даша пришла ближе к вечеру, объяснив, что после обеда он долго спал. Скучным голосом она рассказала, что мальчики здоровы и дома все по-старому.

- Даша, а кто контролирует, что мне тут колют? – спросил Мылин и сам удивился тому, что стал намного спокойнее относиться к своему пребыванию в клинике. – Я в город могу выходить?

- Все контролирует твой адвокат Алла Давыдовна Стрельникова, самый модный адвокат в Москве, ее все звезды нанимают. А для тебя ее Никифорова специально наняла, не беспокойся, - ответила Даша. – Алла Давыдовна на пресс-конференции сказала, что состояние

твоего здоровья не предполагает нахождения вне клиники. К тебе послезавтра министр культуры, наверно, приедет. Так что будет не как в прошлый раз, когда ты мышцу порвал. Тебе сейчас лучше в Германии находиться, пока дома экспертизу по предоставленным документам проводят. Поэтому потерпи!

- Какую судмедэкспертизу? – испугался Мылин, беспомощно хватаясь за повязку. – Меня в суд повезут, что ли?

- Нет, в суд представлят экспертизу о тяжких телесных повреждениях, - объяснила Даша. – Судмедэкспертиза может проводиться по медицинским документам, которые запрашиваются в клинике, где человек лечится. Мне так Алла Давыдовна объяснила. За твоим лечением в Германии следит наше Министерство здравоохранения. Все очень консолидировано, как выразилась Алла Давыдовна.

- Даша, а почему я в повязке? В туалет ходить неудобно! – пожаловался Мылин. – Это из-за папарацци?

- Наверно, из-за них тоже, ты здесь очень знаменитый, - пожала плечами Даша. – Да и наши корреспонденты два раза на улице приставали. Но после сегодняшнего консилиума Алла Давыдовна получила важные документы, в которых написано, будто на сегодняшний день ты не видишь ни левым, ни правым глазом. Именно эти документы идут на экспертизу. Алла Давыдовна лично возила их на перевод, сделала апостиль.

- Что? – переспросил Мылин.

- Она сделала апостиль, - пояснила Даша. – Это стандартная форма заполнения сведений о законности документа. Теперь любые сомнения в тяжести твоих повреждений будут являться незаконными. А в целом тебе понемногу заменят роговицу на молодой донорский материал, его здесь очень тщательно готовят. Алла Давыдовна сказала, что у тебя будут новые глаза, без близорукости. А возрастная катаракта тебе еще лет десять грозить не будет. Это очень дорогие процедуры!

- А что, кто-то сомневается? – спросил Мылин напряженным голосом.

- Все, кому не лень! – подтвердила Даша. – В труппе кто-то пустил слух, будто тебя не кислотой, а мочой облили. А Алла Давыдовна предоставила следователям документ, что жидкость была кислотой.

Постепенно его московская жизнь начинала казаться ему нереальной. В коридоре опять кричала медсестра, делавшая ему уколы: «Sie schreien nicht! Ihnen überhaupt nicht schmerhaft! Sie ärgern mich ab! Leise krank!» Он уже начинал различать их по голосам и даже понимать по интонации, что они говорят. Разве что, кроме женщины, привозившей ему еду. Она постоянно молчала, и ему казалось, что она – немая.

Снимать повязку больше не хотелось. Дважды после очередной операции он приходил в себя без повязки, но с подшитыми веками. Без повязки у него начинали мерзнуть веки, он протягивал руку и находил мягкую повязку рядом на тумбочке. Он уже начал привыкать к строгому распорядку больницы, иногда говорил простые немецкие слова: «Schmerhaft! Es ist nicht krank! Kalt! Vorsichtiger!»

Ему вспомнило странное определение, которое он вычитал из заданной в школе на лето книги Герцена «Былое и думы»: «Длинные как дождевые черви немецкие слова». Больше он ничего не запомнил из довольно объемистой книги, удивляясь, какие странные вещи всплывали в его памяти. Он почти не помнил, как совсем недавно в московской больнице бегал по коридорам, выискивая закоулки, откуда можно было тайком позвонить Каролине. Вернее, он помнил, что это делал, но вот зачем?.. Этого он вспомнить не мог.

Перед самым отъездом он смотрел какой-то документальный фильм по небольшому плоскому телевизору, который Даша принесла по его просьбе из машины. В фильме рассказывалось про врачей-аюрведистов, лечивших слепых. Мылин с интересом следил, как один из них лепил вокруг глаз больного глиняную чашку без дна, а после заливал туда кунжутное масло. Больной, полуобнаженный индус, должен был открыть глаза и смотреть на мир свозь это масло. В фильме сообщалось, что после нескольких сеансов это помогло. А врачи аюрведы при этом рассказывали,

что глазные болезни, связанные с ухудшением зрения, имеют причиной нежелание человека видеть мир таким, как он есть. Человек теряет остроту зрения, и мир сглаживается, расплывается и становится полностью приемлемым для него. Только сильные люди могут видеть мир таким, каким он есть, полностью приняв все его «острые углы».

Тогда ему казалось, что он поступает правильно, согласившись лечь в эту клинику, чтобы вернуть себе зрение, что опять увидеть мир обновленным взглядом, молодыми глазами. А теперь ему становилось безразлично это его желание, он чувствовал блаженное спокойствие, когда весь мир отгораживался от него мягкой повязкой на глазах.

Как невероятно далеко во времени от него отдалилось воспоминания о январских днях, проведенных с Каролиной в подмосковном отеле. Странно, было всего лишь начало февраля, а ему казалось, будто прошла целая жизнь.

Постоянно находясь в повязке и отдаваясь вязкому безразличию от препаратов, которые вкалывали ему, «чтобы организм не отторгал донорский материал», как объяснила ему Даша, он много дней не видел собственного лица. Может быть три дня, а может, неделю?.. Или две?

Иногда ему приходила в голову мысль, что когда он посмотрится в зеркало, то увидит там старое невыразительное лицо лакея Льва Ивановича, обслуживавшего их номер с Каролиной. Под капельницами ему часто снилось, как Лев Иванович приносит к ним в номер огромный прекрасный букет роз, а он не может вспомнить, зачем он его заказал?

Однажды Лев Иванович приснился ему ночью. Он опять был с Каролиной в отеле, а та почему-то отправилась на вечерний просмотр фильма «Птицы» без него. Он остался в номере с книгой Дафны дю Морье, где этот рассказ «Птицы» имел такой же сюжет, но других героев. Он тогда еще задумался, как же меняется повествование, стоит лишь немного поменять героев. А потом ему пришла в голову мысль, что все переживаемые в жизни обстоятельства – банальны и стандартны, но вот люди каждый раз вносят какие-то свои особенности в сухой перечень анкетных данных: «Родился, учился, влюбился, женился...»

Лев Иванович тогда повернулся к нему во сне и сказал: «Да-да, всегда все портят люди!» А когда Мылин подумал, что это хорошая мысль, поэтому он вспомнит ее когда-нибудь потом, он заметил, что Лев Иванович как-то странно улыбается. Додумывать эту мысль ему совсем не хотелось, потому что он уже понял, что вместо ровного и невзрачного лица – у старика на плечах сидел голый череп.

– Но ведь ты меня еще слышишь? – пожал плечами Лев Иванович, стараясь не смотреть на Мылина пустыми глазницами. – Вспомни другой рассказ из книги, которую я приносил! Вспомни!

Проснувшись в палате среди ночи, сняв повязку, Мылин с тоской осознал, что под действием этих препаратов может окончательно и бесповоротно уйти в себя. Глядя на окно с вертикальными жалюзи, на ту палату, действительно ставшую похожей на ящик из рассказа, о котором ему пытался во сне напомнить Лев Иванович, он подумал, что может навсегда утратить редкую в этом месте возможность видеть мир своими глазами.

Рассказ назывался «Синие линзы». Небольшая притча с банальной концовкой. Но каждая деталь в свете ночника в его палате напоминала ему об истории героини этого рассказа, которая легла в клинику, чтобы сделать операцию на глазах и избежать слепоты. Долгое время ей приходится с нетерпение ждать, пока ей снимут повязку, с которой она не смогла так сродниться, как это произошло с ним. Она полна досады, нетерпения, желания видеть мир таким, каким он есть. Будучи такой же беспомощной, каким он был последние несколько дней, она становится полностью зависимой от своих сиделок, среди которых выделяет милую сестру Энсел.

На втором этапе лечения ей разрешают снять повязки, ставя на время защитные синие линзы. Она начинает видеть мир, но людей она видит с головами животных. Доктор является к ней с головой деловитого фокстерьера, сиделки становятся добродушными коровами, овечками, ласковыми кошечками... Ее муж является к ней с головой хищного ястреба, а она узнает, что во время лечения он переписал ее состояние на себя якобы при ее согласии. А вот ее любимая сиделка обретает самый страшный облик.

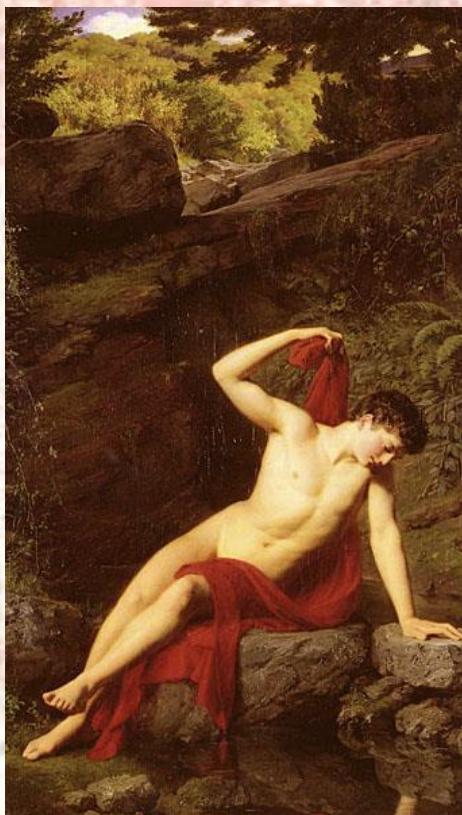
Ей только сейчас пришло в голову, что за весь этот фантастический день она ни разу не вспомнила о сестре Энсел. Милая, очаровательная сестра Энсел, ее утешительница. Сестра Энсел, заступающая на дежурство ровно в восемь часов. Она тоже участвует в заговоре? Если да, Мада Уэст заставит ее раскрыть карты. Сестра Энсел не станет ей лгать. Мада подойдет к ней, положит руки ей на плечи, коснется маски и скажет: «Ну-ка, снимите ее. Вы меня не обманете». Но если все дело в линзах, если вся вина падает на них, как это ей объяснишь?

Мада сидела за туалетным столиком, втирая в лицо крем, и не заметила, как отворилась дверь и раздался знакомый мягкий голос, чарующий голос: «Я еле могла дождаться, чуть не пришла раньше времени, но побоялась. Вы бы подумали, что я глупо себя веду».

И перед ее глазами за спиной в зеркале медленно возникла длинная плоская голова, извивающаяся шея, острый раздвоенный язык - он высывался и молниеносно прятался во рту. Змея. Мада Уэст не шевельнулась. Лишь рука продолжала механически втирать в щеку крем. Зато змейка ни на миг не оставалась в покое, она вертелась и извивалась, словно хотела рассмотреть все баночки с кремом, коробочки с пудрой, флаконы с духами.

- Приятно снова себя увидеть?

Как нелепо, как ужасно слышать голос сестры Энсел, доносящийся из змеиного рта; одно то, что при каждом звуке ее язык двигался взад и вперед, парализовало Маду. Она почувствовала, что к горлу подступает тошнота, душит ее и... внезапно физическая реакция оказалась сильнее ее... Мада Уэст отвернулась, но тут же крепкие руки сестры подхватили ее и повели к кровати. Она позволила уложить себя в постель и теперь лежала, не раскрывая глаз, тошнота постепенно проходила.

Впервые за много дней Мылин потянулся к своему смартфону, вспомнив, что после первой капельницы ни разу к нему не прикасался, ни разу его не включал. Он подумал, что полностью отдался отрывистым немецким командам и педантичному соблюдению распорядка дня только потому, чтобы не узнать правду о бывшем друге по гримерке Николае.

Хотя в Москве ему казалось, что время, когда с премьером может и должно что-то случиться. Но все эти мысли и чувства безвозвратно канули в прошлое. Он понимал, что давно зашел за черту, где все сожаления бессмысленны, а масштабная инсценировка нападения на него, его пребывание в этой клинике – все это должно неминуемо аукнуться какой-то трагедией и для Николая. Просто он не хотел всего этого знать, желал как-то от всего оградиться своей мягкой повязкой.

Но то, что он увидел в своем смартфоне, немедленно заставило его ответить на несколько сообщений журналистов, приехавших в Германию, чтобы взять у него интервью.

- Да, совершенно верно! – подтвердил он. – Завтра устраиваю конференцию, меня возмущает эта огульная клеветническая кампания, развернувшаяся против меня в средствах массовой информации, а особенно – в Интернете. Пора уже ответить этим мерзким кликушам.

- Они сейчас все говорят с наших публикаций и даже на нас не ссылаются, - разочарованно протянула Эвтерпа.

- А что ты, собственно хотела? – резонно заметила Каллиопа. – Мы не являемся «информированным источником» и «влиятельным источником», но мы заставили всех говорить правду! Причем, совершенно бесплатно! Или ты думаешь, что все, что они писали раньше, они писали бесплатно?

- Вот именно! – вставила Урания. – Нам не только никто ничего не заплатит, но вдобавок сделают вид, будто нас не было, а все эти господа с самого начала писали чистую правду. – Боюсь, им в этом случае такого сделать не удастся, ведь они своими публикациями причиняли боль живому человеку, – отозвалась Клио, зачитав вслух кусочек интервью с премьером театра Николаем.

Если и раньше я подвергался каким-то нападкам, не соответствовавших действительности, то с момента нападения на Мылина количество неправды, обвинений и лжи, произнесенное в мой адрес, значительно превысило то, что я вообще мог вообразить. И не потому, что услышал такое в свой адрес. Когда разворачивается подобная кампания в отношении кого угодно, ловишь на слух то, что люди явно переходят допустимые границы в обсуждении чьей-то личности. Потому мне кажется, что вышестоящим властям уже стоит обратить внимание на положение простого артиста. Опять-таки не потому, что у меня есть звания или регалии. Господа, как можно так издеваться над человеком столь бездоказательно? Как?

- Хорошо, что нам удалось создать почву для подобного обращения, – сказала Каллиопа. – Он ведь тоже это высказывает, зная, что больше никогда в свой адрес такого не услышит.

Но и Урания права, как всегда, поэтому иногда так неприятно ее слушать.

- Да? И в чем же я права? – с нескрываемым раздражением спросила Урания. – Пока я ничего не сказала. Как только кого-то неприятно слушать, сразу вспоминают Уранию.

- Ну, ты же имела в виду, что мы поможем нашим балетным танцорам, выполним то, что они привыкли получать за достаточно хорошие деньги, – примиряющим тоном ответила Каллиопа. – А мы сделаем это бесплатно, в сложное для всех нас время. Затем, как это было не раз, вылезут какие-то их друзья, знакомые или поклонники и заявят, что ничего особенного мы не сделали, а просто сами решили подпиариться на чужом несчастье. Так ведь не раз уже было.

- Это даже при мне уже было! – подтвердила Эвтерпа. – Помните, как я уговорила Каллиопу помочь старому пианисту, обвиненному в педофилии? Все изменилось после ее статьи, зато у некоторых тут же хватило совести заявить, что они все сделали сами, а «этого Огурцова объелась огурцов!» и типа мы лезем пиарить наши ресурсы на чужом несчастье! А когда все боялись слово сказать в разгар этой кампании, когда не знаешь точно, что там было... тогда все только умоляли помочь «хоть чем-нибудь».

- Если честно, и я что-то не припомню, чтобы хоть один человек оценил сделанное, не воспринимал как должное! – поддакнула Клио. – Чтобы кто-то хоть раз по-человечески за все поблагодарил лично. Такого не было ни разу, это точно. Как правило, после тут же начинали дистанцироваться, делать вид, что никогда не общались с «человеком, имеющим настолько скандальную славу». Вы же понимаете, о ком я. Спасибо, хоть в последующей травле не участвовали персонально.

- Так может, ну их всех? Нас даже не поблагодарят! – в сердцах сказала Урания. – Все у них там замечательно, Мельпомене ничего не угрожает. Уж могут и сами остальное про Мылина доказать. Только у нас что-то получиться доказать, все кидаются приписывать эти победы самим себе! Как говорят: «У победы много отцов, а поражение – сирота!»

- Постой, что-то изменилось! – воскликнула Каллиопа. – Во-первых, никто без нас ничего не докажет, и ты это прекрасно знаешь. Все только и ждут, чтобы мы бросили это дело. А без нас

на все передачи положат с прибором, их слово ничего не значит. Но и конечное условие тоже поменялось!

- И каким образом? – ехидно поинтересовалась Урания.

- А таким, что раньше я всегда оставалась одна, пояснила Каллиопа. - И возле меня было в точности такое же окружение, как возле каждой младшей музы. Они словно держали меня в заточении, не давая никому ко мне приблизиться! Мне было с ними даже хорошо, но лишь до тех пор, пока я не понимала, что я их устраиваю такой – обиженной на всех, изолированной. Но я – не измотанные физическими нагрузками и душевными потрясениями после каждого спектакля младшие музы, долго держать меня при себе никому не удавалось. Я хорошо понимала, что как-то усиливаю этих людей, являюсь оправданием их жизни. При этом каждый из них был заинтересован в том, чтобы я зависела от их круга.

- Ой, со мной всегда так было раньше, – перебила ее Эвтерпа. - Ну, когда я в девушких была. Мне до моего баритона такие молодые люди попадались, что сразу начинали доказывать, как мне каблуки не идут, как их друзья не понимают, что они во мне нашли... Ну, что я никому не нравлюсь...

- И что? – поинтересовалась Клио.

- Ничего, снижали мою самооценку, стремление к самосовершенствованию, – пробормотала Эвтерпа. - Иногда даже зубы чистить не хотелось от таких «ухаживаний»!

- Еще раз перебьешь – хребет перебью! – пообещала ей Каллиопа. – И зубы выбью, если найду способ сделать это через скайп.

- Я больше не буду! – пропищала Эвтерпа.

- Будешь! – оборвала ее Урания. – Ты всегда всех перебываешь. И если Каллиопа не освоит эту сверхзадачу по скайпу, то мне до тебя – полтора часа на машине, учти.

- И что? Все бросишь, поедешь мне зубы выбивать? – растерялась Эвтерпа.

- Если вы немедленно не заткнетесь, я сейчас совершу что-нибудь... экстремистское... экстремистическое... найду экстремум и раздолбаю... Не забывайте, что мои сверхспособности причинять невыносимые страдания словом, признаны уголовным судом Российской Федерации!

- Мы уже в курсе, что ты можешь одним словом «Бум-с» устроить терракт. Поэтому тебе карточку заблокировали! – расхохоталась Урания.

- Так, а в чем произошли изменения? – поинтересовалась Клио.

- Хотела сказать, а после этого вот... возьму и не скажу! – проворчала Каллиопа. – Ладно, все равно скажу. Впервые, девочки, что-то сильно поменялась. Когда на меня наезжают, я знаю, что мне на бреющем полете надо дотянуть до аэродрома, дождаться, пока в скайпе загорят ваши зеленые огоньки. Сразу становится легче. Они бы меня уже раскатали под орех, им это вполне удавалось несколько раз.

- Но ведь все, что ты написала – сбывается! – упрямо твердила Клио.

- А мне-то что? – пожала плечами Каллиопа.

- Какое мне дело до тех, о ком сбывается

сказанное? Я, как и вы, ничего не могу сказать о себе. Но... главное изменение в том, что мы здесь приобретаем особое влияние, мы долго работали, писали, и действительность все больше походит на прозаическую ткань романа. Поэтому наша общая задача – как-то всем вместе дотянуть до счастливого конца. К нашему сожалению, этот счастливый конец должен произойти сам по себе, будто и без нашего участия вовсе. Мы его должны сочинить! Ни в одном романе, прости, герои не выходят с поклоном и проявлением признательности: «Спасибо нашему дорогому автору за наш счастливый конец!» Некоторые вообще остаются в претензии за все, что им пришлось пережить на страницах романа. Может быть, считают даже, что его автор объелся огурцов...

* * *

- Что вы вообще творите? – с порога палаты по-русски заорала на Мылина странная женщина. По ее тону, он понял, что ворвалась к нему его адвокат Алла Давыдовна. Но свет сквозь повязку, в которой он проковырял для себя небольшую полоску без ваты, падал так, что казалось, будто возле порога судорожно машет крыльями большая черная птица с хорошенкой женской головкой.

- Вы с ума сошли? – мне сейчас приходится опровергать все, что вы наговорили на пресс-конференции! Полюбуйтесь! Ко мне напрямую лезут теперь с вопросами, настаивают на необходимости содержания под стражей Александра Игнатенко! Мол, его поручители уверены, что он не собирается скрываться от следствия.

- А кто со мной обсуждал такие повороты дела? – зло поинтересовался Мылин у распушившей перья женщины-птицы. – Мне вообще не надо, чтобы Игнатенко говорил! Не стану объяснять, но мне это абсолютно не надо было! Договаривались, что грохнут Николая, а вместо этого вдруг берут Игнатенко! Кому нужен этот Игнатенко с его дешевыми профсоюзовыми петициями? Они еще намекали, что надо как-то помочь ударить по высоким покровителям Николая в правительстве! Донамекались! Мало того, что унизили мое человеческое достоинство, плеснув мочой, так еще и этого букашку Игнатенко выставили!

- Вы мне на нервы не действуйте, – почти ласково произнесла женщина-птица. – А то ведь я не посмотрю, что вы весь пострадавший. Мы честно пробовали сделать все, как договаривались сразу же после передачи у известной тележурналистки, где балерина Владимирская заявила, что в театре работает система эскорта-услуг, поставлявшая молодых балерин олигархам для удовлетворения их похоти. А ваш дружок Николай там заявил, что против него развернута настоящая травля, а что травмы имеют весьма сомнительный характер... Но так получилось, что его дома не оказалось. Кто-то его тогда предупредил. Не понимаю, как это могло получиться...

- Так вы это скоро сделаете? Сколько можно ждать? – в отчаянии выдохнул Мылин.

- Боюсь, мы упустили время, – честно сказала Алла Давыдовна. – Нам буквально не хватило тех самых четырех дней, которые вы решили дополнительно провести в загородном отеле после Нового года. Николай уже не в нашей власти, придется довольствоваться Игнатенко. Я уже сделала заявление, что в целях расследованиях этого дела такая мера в отношении него необходима. Пока не приложены к делу часть документов медицинской и химической экспертиз, показания некоторых свидетелей. Как вы сами понимаете, сейчас никому не надо, чтобы он рассказывал о мерах воздействия на него, которые применялись при задержании, чтобы он публично на камеру признал свою вину... Да и незачем, чтобы он на каждом углу болтал о разного рода финансовых нестыковках в вашей деятельности. А пока сидит и лепит это под протокол – все засчитывается ему в мотив совершенного уголовного преступления.

- И мне пришлось заявить, будто я на первом допросе сказал, что подозреваю его! – на тон ниже заметил Мылин.

- Давайте договоримся, что больше вы ничего не будете сообщать, не посоветовавшись со мной! – прикрикнула на него Алла Давыдовна. – Если хотите по своему делу пойти все же потерпевшим, а не свидетелем обвинения! Как минимум. Мне уже сейчас приходится отвечать на серьезные обвинения! Все же считают, будто вы намеренно уклоняетесь от

судмедэкспертизы, чтобы усугубить положение подозреваемого. Это, согласитесь, недалеко от истины, но зачем нам такая истина нужна? Я им таки говорю, что вы физически не можете пройти судебно-медицинскую экспертизу, поскольку находитесь на тяжелейшем лечении в Германии! А вы тут пресс-конференции устраиваете и выражаете недовольство, что наши замечательные органы правопорядка не того взяли!

- Но ведь как-то надо же переходить на того... кого с самого начала надо было... того, - неуверенно пояснил Мылин.

- И поэтому вы выступили с заявлениями, будто Николай вас шантажировал? – почти с ненавистью поинтересовалась Алла Давыдовна, все больше походившая на огромную взъерошенную птицу. – А мне потом приходится объяснять, будто вы на Игнатенко вообще никогда не давали показаний! Понимаете, никогда! Я все говорю, что мы не знаем, почему следствие его арестовало. Даю понять, что там есть доказательства, но мы с ними не знакомы. Поскольку пока в целях раскрытия преступления это никому не сообщается, даже нам. Но выражаю уверенность, что точно были основания для его задержания, что следствие по определению не может без оснований держать его. А вы здесь пресс-конференции устраиваете и за следствие дело раскрываете!

- Я здесь лежу в этой повязке, мне никто ничего не говорит! – взорвался Мылин. – Я слышу только немецкую речь! Мне даже выйти не дают, а мы договаривались, что я смогу посетить Бельгию, Париж...

- О Париже не может быть и речи, – оборвала его Алла Давыдовна. – О Бельгии подумаем, но однозначно обещать не могу. Понимаете, сейчас вам надо заняться здоровьем, дистанцироваться от всего. А когда вы проявляете такую заинтересованность, там ведь возникают вопросы не только о том, почему вы сами не можете появиться на медицинской экспертизе. Там Игнатенко начинает требовать с вами очной ставки! Мы заявляем, что в очной ставке нет необходимости, поскольку Игнатенко задержали не по вашему оговору, а по результатам оперативно-розыскного материала.

- И что мне теперь делать? – с растущим недоумением спросил Мылин.

- Ничего! – безапелляционно ответила Алла Давыдовна. – Вы очень поможете и мне, а главным образом, себе, если ничего не будете говорить! Сейчас специально приехала, чтобы взять документ, что врачи не рекомендовали вам очную ставку с Игнатенко. Я уже сделала заявление для прессы, что если бы это было настолько необходимо и если бы врачи разрешили, а следствие уже провело бы эту очную ставку. Но вам ведь она не нужна?

- Не нужна! – подтвердил Мылин.

- Вот видите, как мы замечательно начинаем понимать друг друга, когда наши интересы совпадают, – с удовлетворением заметила Алла Давыдовна. – Хочу вас обрадовать, что в деле уже имеются результаты экспертизы жидкости, которой вас облили. Как и ожидалось, ею оказалась кислота. Немецкие химики это полностью подтвердили.

- Поэтому мне нельзя снимать повязку? – спросил Мылин.

- И чтобы не шокировать окружающих, – отозвалась Алла Давыдовна. – Ко мне все лезут с вопросами, как у вас со зрением, вы учтите! Я всем отвечаю, что даже смысла в вопросах не вижу! Как можно после кислоты вообще этим интересоваться? Кто б на вашем месте видел, если бы ему целую банку в глаза вылили? До чего люди наглые! Меня это всегда удивляло. Еще и переспрашивают, будем ли мы требовать материальной компенсации для пострадавшего? Вылиют банку кислоты, а потом интересуются! Да, конечно, отвечаю. Но мы сейчас не можем говорить о сумме, так как лечение не закончено, так ведь?..

***

И пока она просматривала новости по делу Игнатенко, уже объявленного на всех телевизионных каналах «злодеем», в скайп к ней поступалась Урания.

- Пожалуйста, прости меня! – начала она дрожащим нервным голосом, будто недавно захлебывалась рыданиями.

- А у нас сейчас что, прощеное воскресенье? – испугалась Каллиопа. – Вроде ведь масленица прошла.

- Прости, что я хочу обратиться к тебе по личному поводу, - тяжело вздыхая, ответила Урания. – Ты же сказала, что если счастливый конец наступает, так он наступает для всех! Но для меня... никакого счастливого конца! Нет для меня счастья!

И она залилась слезами, громко сморкаясь и поминутно извиняясь. Каллиопа мягко поинтересовалась, что же такое у нее произошло, что она решила поставить на себе крест. Урания ответила, что ее единственный сынок, которому исполнилось 27 лет, очевидно, окончательно сошел с ума. Все лето они ходили по психиатрам, один выписал им очень дорогие таблетки. Она пошла в аптеку, а там знакомая провизорша ей сказала, что их дают только самым буйным психам, после чего они никогда уже не приходят в себя, становятся тихие, как овощи на грядках.

- Слушай, это не те таблетки, которые мне хотели в уколах поставить? – с нескрываемым страхом спросила Каллиопа. – Он у тебя что, буйный псих?

- Да вроде нет, - призналась Урания. – Он просто очень... нелюдимый. Говорят, что людей любить не за что...

Понемногу, всхлипывая и извиняясь, Урания рассказала, что парня затравили учителя еще в школе. Она их всегда поддерживала, считая, что учителя плохого ее мальчику не пожелают. В результате он отдался не только от сверстников, которые смеялись колкостям учителей, но и от нее. После школы пошел в армию, в институт поступать не стал. А из армии вообще пришел чужим человеком. Устроился на какое-то литейное производство и перестал общаться со всеми. Стал выпивать, превратился в домоседа при заботливой маме. А она, видя, что у сына уходит время, поняла, что они будто живут на разных планетах. Он ни к чему не стремился, ему ничего не было нужно... Подруги ей посоветовали обратиться к психиатрам, вот те и посоветовали, благо провизорша ее остановила.

Но накануне он пришел с работы, начал ругаться, что к нему работники там привязываются, придираются... Она сказала, что все не могут быть не правы, что как-то ведь надо к людям прислушиваться... А он сходит за бутылкой. И сейчас в очередной раз напьется...

- Он тебя бьет, что ли? – удивилась Каллиопа.

- Нет, конечно! Просто его потом рвет сильно, а я боюсь, что он в отца пойдет, тот любил выпить, - посетовала Урания. – И какая из меня муга, если у меня такие проблемы с родным сыном?

- Но ты пока вела с ним, как посторонняя училка, даже не как мать, прости, - оборвала ее Каллиопа. – Ты пока и получила результат, как училка... А ты знаешь тех, с кем он работает?

- Да видела пару раз, - промяглила Урания.

- Ты хотела бы, чтобы твой сын стал таким же? – прямо спросила ее Каллиопа.

- Нет, с чего ты взяла? – возмутилась Урания. – Ты этих муромеев не видела! У них все интересы... обычные. Пьют там, конечно, все. Но он с ними не пьет.

- А почему ты ему сказала, что они правы, а он нет? – опять не поняла ее Каллиопа.

- А что я ему должна была сказать? – зарыдала Урания. – Как бы ведь из педагогических соображений говорю. Мне и психиатр говорил, что я его просто избаловала.

- Знаешь, давай, ты сейчас пойдешь к нему, пока он не напился, - предложила Каллиопа. – И скажешь из педагогических соображений, что ты его любишь, он для тебя свет в окошке, а эти муромы тебе никто, поэтому на их мнение тебе совершенно наплевать. Но ругаешься ты потому, что страстно не хочешь, чтобы он стал таким же. Я сейчас еще тут новостную ленту посмотрю, поэтому пока прервемся, а ты потом перезвони.

- Хорошо! – не слишком уверенно буркнула Урания.

Не успела она прочитать все признания Игнатенко, совершенные им после почти 20-ти часового допроса и без адвоката, как раздался новый звонок от Урании.

- Ну, что там у тебя опять? – спросила она ее с нескрываемым раздражением.

- А у меня... какие-то чудеса! – ответила Урания радостно. – Представляешь, встал, бутылку выкинул, спросил, не надо ли мне картошки почистить.

- А тебе-то это надо? – не поняла ее радости Каллиопа.
- Нет, я уже сама почистила! – рассмеялась Урания.
- А в целом, что тебе от парня надо? – поинтересовалась Каллиопа. – Я этих ваших педагогических наездов с психушкой, после того, как меня там саму чуть не вылечили, совершенно не понимаю! И очень злюсь, когда мне говорят, будто я свое мнение должна нивелировать под мнение большинства! Тем более, когда большинство представляют сплошные муромы! Если хочешь знать, мне за мое мнение уже жизнь поломали! И я представляю, как вы с чокнутыми училками травили парня из педагогических соображений.
- Ой, наверно, я в чем-то на самом деле была неправа, – радостно ответила ей Урания. – Но он с таким удивлением на меня посмотрел, а я решила успеть сказать все, что ты мне велела!
- Так он у тебя даже по-человечески на все реагирует! – проворчала Каллиопа. – Я бы на твоем месте перестала пускать в дом ту суку, которая тебе психушку насоветовала! Поверь мне, я, в отличие от некоторых, дурного не посоветую.
- Мне ведь, как любой матери, хочется, чтобы он себя не губил, а был счастлив! – опять зарыдала Урания.
- Так этого не педагогикой добиваются, – попыталась утешить ее Каллиопа. – Смотри, что с человеком сделалась, как только сказала, что любишь его! Давай по пунктам! Первое, ты хочешь, чтобы он был счастлив... в принципе, позитивное желание, так и запишем. Давай дальше!

- Хочу, чтобы у него появилась цель в жизни, чтобы он поступил в институт, получил нормальную техническую профессию, хочу, чтобы у него поменялся круг общения, появился интерес к жизни... Хочу, чтобы он встретил девушку, внуков хочу! – захлебнулась слезами Урания.
- Это вполне эпически, конечно, лет на пятнадцать вперед, – с сомнением констатировала Каллиопа. – Но слишком большая пропасть между психушкой и таблетками для овоща. Терпеть не могу неорганичности в повествовании. Давай остановимся на том, что у него появляется цель в жизни, он поступает в университет и вся его жизнь резко меняется. Нас ведь такое пока устроит?
- Вполне, – согласилась Урания.

- Раз ты уже картошку почистила, приготовь ужин, а я пока накидаю небольшой рассказ, - распорядилась Каллиопа. - Потом ты его позовешь поужинать и как бы дашь материнский совет по тексту. Посмотрим, сработает или нет.
- Ты напишешь счастливый конец? – уточнила Урания.
- Само собой! – заверила ее Каллиопа. – Без педагогики в психушке! Я же не Наташка из прокуратуры.

Через 20 минут, когда смущенный сын с ужинал рядом с матерью, подкладывавшей ему самые вкусные кусочки, на стоявшем рядом с ней ноутбуке раздался булькающий звук от скайпа, запросившего принять файл от подруги, вместо фотографии которой стояла картинка со скульптурой женщины, сидевшей перед раскрытой книгой с палочкой в руках.

Мать, смущенно взглянув на сына, открыла файл и начала что-то сосредоточенно читать, постоянно приговаривая ласковым голосом: «Ты кушай, зая, и не расстраивайся! Думать забудь про этих противных муромоев! А мама тебя любит и знает, что ты всегда прав!»

В полученных ею листочках говорилось, как мать кормит ужином сына и вдруг ей приходит в голову светлая мысль о том, что сын должен поступить в университет, полностью поменять круг общения и на ближайшие годы полностью сосредоточиться на приобретении интересной специальности. Сын ей отвечает в задумчивости: «А ведь, наверно, ты права, мать!»

Далее рассказывается, как он записывается на подготовительные курсы, чтобы примелькаться и освоиться в университете, но основные знания получает с репетитором – студентом МГУ, подрабатывающим таким образом на мелкие расходы. Студент крайне ревностно относится к взятым на себя обязанностям, увлекает сына простотой изложения и владением изучаемых им предметов.

В рассказе сообщалось даже то, что математику сын сдает на 73 балла, зато физику – на 94. Русский язык он и так знает, имея врожденную грамотность. И когда после долгих упорных занятий и трудных экзаменов он приходит к матери и сообщает о своем зачислении, мать заливается радостными, счастливыми слезами.

Убавив звук, Урания незаметно включила скайп и шепотом спросила каменную женщину: «Мне что, прямо сейчас ему сказать?»

- Прямо сейчас и скажи! – таким же шепотом откликнулась статуя.
- Сынок! – громко сказала Урания каким-то деревянным дрожащим голосом. – М-мне как раз... сейчас пришла в голову светлая мысль, что тебе... надо поступить в университет! Надо тебе полностью поменять круг общения, чтобы больше не расстраиваться от всяких муромоев! Тебе надо на ближайшие годы полностью сосредоточиться на приобретении интересной специальности, сынок! Пока мама тебе помочь сможет!
- А ведь, наверно, ты права, мать! – откликнулся сын с набитым ртом. – Может, мне стать патологоанатомом? В Интернете сейчас это самая популярная профессия у молодежи.
- Каллиопа увидела на камере скайпа, как глаза Урании начали расплзаться в разные стороны, она едва сдержалась, чтобы не заорать на жующего рядом сына. Если бы она не стеснялась тихонько подключившейся Каллиопы, попытка профессиональной ориентации могла у них опять закончиться очередным походом в психушку.
- Что делать? – прошептала Урания, ведь в рассказе не говорилась ничего о том, что ее сын захочет резать трупы.
- Читай текст! – прошипела из скайпа Каллиопа, сбрасывая сообщение в скайп.
- А почему бы, сынок, тебе и не стать п-патологоанатомом? – прочла Урания, удивляясь самой себе. – Это так креативно! Говорят, они очень много зарабатывают!
- Говорят, они с трупами спят! – откликнулся сын, доедая салат.
- Это только те, у кого своей квартиры нет, - прочла Урания реплику из скайпа. – И кого девушки не любят. Я таким не завидую! Тебе надо непременно сходить в медицинскую академию на День открытых дверей! И все узнать, как стать патологоанатомом.

- Ты серьезно, мать? – удивился сын. – Да нафиг мне такое! Лучше я в политехнический схожу на День открытых дверей!

Он поднялся, впервые за много лет поблагодарил ее за ужин, вымыл посуду и ушел к себе в комнату.

- Десять лет после школы прошло! – сокрушилась Урания, прибавив звук. – Не сдать ему физику и математику, да на такие баллы, как ты написала!

- Ну, получит немного поменьше, – безмятежно откликнулась Каллиопа. – Мы поближе к экзаменам напишем, что ему попались билеты, которые они накануне разбирали с репетитором, молодым человеком, решившим посвятить свою жизнь просвещению тех российских граждан, которым не повезло в школе с училками. За деньги, конечно. И потом... ты уже забыла, что час назад хотела сына в психушку сдать? Как чемодан в камеру хранения! Что-то ты подозрительно быстро сдаешься! А ему как раз сейчас поддержка требуется.

- Ты это... серьезно? – в полной растерянности проговорила Урания.

- Абсолютно! – заверила ее Каллиопа. – Ты же сама читала! С какой стати мне тебя обманывать? Урания еще раз с большим сомнением перечитала концовку рассказа.

- Мама! Дорогая любимая мама! – крикнул матери с порога Геннадий. – Меня зачислили в университет! Поздравь меня!

И мать, прижимая руки к груди, заплакала радостными, счастливыми слезами...

- Мам, – раздался голос сына из комнаты. – А ты мои школьные учебники на дачу вывезла?

- Вот видишь! – торжествующе заметила Каллиопа. – Бутылку выкинула, про учебники спрашивает! Все работает, мы лажи не пишем. Влип по уши, стервец этакий!

- Только Клио и Эвтерпе не говори, – попросила ее Урания.

- Ой, они уже раньше тебя начали своими счастливыми концами беспокоиться! – отмахнулась Каллиопа. – И не только они, представь себе! Мне чего только сейчас на почту не пишут! На вот, почитай, что сегодня пришло.

Здравствуйте, уважаемая мадам Огурцова! Только на Вас вся надежда! Пишет Вам, пока не слишком Вам знакомый юзер rrr238, у меня еще Фантомас на картинке. В жизни я – майор юстиции Пилипенко Ф.Ю. Мы читали Ваши сказки всем отделением, поэтому предлагаем Вам следующее.

Напишите, пожалуйста, в Вашей сказке, что младшего лейтенанта Казанцева В.В. произвели в капитаны юстиции, а тесть майора юстиции Пилипенко Ф.Ю. решил подарить ему LEXUS LX 570! Нам это очень нужно для борьбы с оргпреступностью и коррупцией.

А в качестве дружеской услуги мы задержим на 48 часов одного члена профкома театра, прокачаем и все протоколы допросов Вам скринем в виде сканов с его подписью. Поверьте, там много чего интересного с их профсоюзной кассой!

Мы и сами о прокурорах много сказочек знаем. Младший лейтенант Казанцев В.В. учился вместе с неким Стасом Забельским. Отец Стаса служил в одной строительной части офицером. После расформирования части в 90-х отец Стаса, проживавший тогда в секретном городе, стал строить дома для новых русских. В процессе этой деятельности он начал строительство домов в ближнем Подмосковье сами знаете по какому шоссе, а клиентов ему находили перед МВД один генерал, которого все звали просто по имени. Он у вас в блоге пишет комментарии под ником «prosto dima». Поэтому он смог пристроить Стаса прокурором одного подмосковного района в 27 лет, хотя уже тогда эта должность стоила под два лимона, если не больше. А Казанцев В.В. до сих пор сидит лейтенантами. Разве это справедливо? Вы вот правильно пишете, что искусство должно стоять за справедливость.

Вовка Казанцев сидит на булках ровно и делает, что прикажут, но званий ему не дают. А этот Стас крышей съехал от вседозволенности, как Вы правильно заметили в своей

публицистике. Не знаю, что они там не поделили в облпрокуратуре, куда его перевели замом, но в результате Стас проник в резиденцию страшно сказать кого - и вломил всем по полные помидоры. Дальше им уже занималось ФСБ. Теперь Стас живёт себе тихонечко где-то, вроде в Казахстане, а прокуроров всех уже отпустили, кроме главного оборотня. Над ним проводят опыты, как всем остальным оборотням продолжать службу в периоды Новолуний. Ну, Вы, наверно, уже знаете про эти опыты. Но пока не знаете, что у нас с Вовкой есть тетрадочка с "бухгалтерией" тех оборотней в погонах, которые из МУРа. Там все хорошим почерком расписано, с кого сколько денег собиралось и кому заносилось. Когда данную рукопись решили доказательством не считать, мы ее для Вас сохранили и передадим Вам, как только вы напишете, что Машеньку Казанцеву взяли в консерваторию на вокал, а Петра Пилипенко - в физматшколу-интернат при МГУ, чтобы не пришлось задерживать директоров консерватории и школы на 48 часов до выяснения всех обстоятельств зачисления.

Заранее благодарны, с уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество Пилипенко Ф.Ю. и Казанцев В.В.

Каллиопа рассказала, что таких писем ей приходило все больше. В них содержались намеки, а то и откровенные предложения кого-то допросить, задержать, отследить и выяснить. За это она должна была написать, о прекращении внутреннего расследования, о продвижении по службе, о получении денежного вознаграждения, о неожиданных подарках на именины и выигрышах в лотерею, об успехах детей, об удачной приватизации портовых доков, о пожаре в районных налоговых инспекциях и взрывах бытового газа по перечисленным адресам.

Большинство «полезных сведений», которые сообщали ей адресы, давно устарело. Она даже задумалась, как много поговорок знала раньше про «тайное становится явным» и «шила в мешке не утаишь». А вот сейчас дожила до такого возраста, что это стало не чем-то вроде надежды, случайного совпадения, а обычной аксиомы. Стоило дожить до необходимости раз в две недели подкрашивать корни волос, чтоб тайное не лезло слишком явно, - как стало абсолютно очевидным, что время не хранит чужие секреты. Они превращаются либо в скелеты в шкафу, либо всплывают наружу, будучи уже никому не нужными.

- Я тоже думаю о времени, - признала Урания. – Оно мне кажется... живым, что ли? В любом случае, я считаю очень важным поговорить об этом на очередном круге с Клио и Эвтерпой.

- Да они уже раньше нас с тобой эту тему начали копать, - призналась Каллиопа. – Поговорить надо, ведь все, что мы делаем, имеет прямое отношение к времени.

